11/6957

R 434/514

С. Любимова.

ЗА НОВЫЙ БЫТ.

г. Ташкент, 1926 г.
Издание «Средазкнига».

Типография и цинкография
Акц. О-ва „Средазкнига",
заказ № 382—26 г.
Тираж 2000 экз.
Ташоблит 608

Государственная
БИБЛИОТЕКА
СССР
им. В. И. Ленина

I.

Фронт борьбы за женские массы.

Центральный орган нашей партии «Правда» в номере от 1 сентября помещает сообщение об активности мусульманского духовенства.

«Мы за советскую власть, говорят муллы в Татарии, но против тех, кто преследует религию.

—Мы не против партии, но против безбожников».

Под этими лозунгами духовенство Татаристана ведет работу в массах, как в мужской, так и женской части.

Тот же номер «Правды» приводит следующее постановление женского собрания деревни Караколы Бугульминского уезда.

Мы, женщины, доводим до сведения Советской власти нижеследующие положения:

1. В будущем не допускать открытых диспутов о боге и коране.

2. По отношению мужчин, связывающихся с проститутками, усилить строгости закона и т. д.

А дальше, вокруг «женских пожеланий», вопросов борьбы с проституцией и других «безобидных» пунктов, собрание выставляет и ряд политических требований.

«Мы не против советов.... и если все наши просьбы будут осуществлены, мы будем всем довольны и согласны».

Нужно, «чтобы наши требования срочно проводились в жизнь».

Так, вокруг больных для женщины вопросов о муже и детях, мусульманское духовенство «накручивает» и основные вопросы об отношении к Советской власти и требования политического характера.

Несомненно, что собрание в Караколе не является единственным и случайным.

За этим собранием кроется упорная, систематическая работа мусульманского духовенства среди женских масс, работа, проводимая не только в Татаристане, но и во всех республиках и областях северного Востока.

4-я Международная Конференция Коммунисток (июнь 1926 г.), характеризуя состояние женского коммунистического движения в зарубежных странах и отмечая особое оживление работы среди женщин со стороны буржуазно-соглашательских организаций, указала, что самое основное в обстановке настоящего времени—это «борьба за влияние на женские массы».

Так можно характеризовать в настоящее время обстановку и у нас в странах Советского Востока. Борьба идет с предрассудками старого, против установлений мусульманской религии, за раскрепощение женщины.

Каждый шаг коммунистической партии в этой борьбе колеблет почву под ногами мусульманского духовенства.

Последнее не сдается без боя, борется, в свою очередь, за сохранение своего влияния на женские массы. Какими методами борется духовенство в наших республиках Средней Азии, какова его «программа по женскому вопросу»?

В этом году перед ежегодным праздником трудящихся женщин 8-III, мы имели по кишлакам Ферганской обл. листовки со следующим содержанием:

«Уважаемые подруги!»

Среди мусульманок наблюдается значительное падение веры в Ислам, что является плохой стороной нашей жизни.

Среди людей, не имеющих религии, нет уважения друг к другу, благодаря чему они живут, как животные.

Тот человек, который не желает просвещаться в религиозном духе, является людским отбросом, идущим к уничтожению духовных стремлений человечества».

Воззвание заканчивается призывом к родителям:

«Великие родители! Если в свободное время Вы не будете учить свою семью и приближенных религии, то будете бесчестным человеком, тогда как проводимое нами религиозное воспитание среди женщин—приводит нас к богу».

Листовка прислана в Ферганскую область из Уфы от духовного управления за подписью Зав. Женотделом ДУ (Духовного Управления) Мурсали Биби.

Распространение этой листовки по нашим кишлакам уже кое-что говорит о работе и нашего духовенства.

Ограничивается ли наше духовенство только выражением симпатий Уфимскому ДУ и помощью в работе последнего или ведет, помимо этого, и свою работу?

Несомненно, во всех республиках Средней Азии, и особенно в Узбекистане, духовенство свою работу среди женщин ведет.

По Ташкентской области за сентябрь м-ц (этого года) прошло 16 волостных конференций дехканок, через которые прошло 841 делегатка (из них 577 узбечек).

В разных волостях, на этих конференциях задавался узбечками, примерно, один и тот же вопрос.

«Почему нам так редко делают такого рода доклады—ведь до этого времени о правах женщины мы имели совсем другое представление?» (Майдантальская волость).

«Почему до сих пор так мало делают нам о правах женщин доклады—ведь это нам много дает пользы и нам легче будет бороться с баями, **которыеговорят нам совсем другое?**» (Чиназская волость).

Баи и муллы говорят «совсем другое», а говорят они настойчиво, изо дня в день, в мечетях, чай-ханах, в гостях за пловом, в поучениях и указаниях каждому из обращающихся к ним дехкан.

Баи и муллы со своим «Агитпропом» пролезают во все поры кишлачно-аульной жизни в то время, как мы—партия—не всегда умеем и можем противопоставить им свое раз'яснение, своих пропагандистов.

Баи и муллы в своей агитации не брезгуют ничем, вплоть до клеветы, провокации, физического воздействия.

Так, в Аблыке перед женской конференцией велась агитация: «заберут женщин в город, где они будут стирать белье для красноармейцев».

(В Саватской вол.) Мирзачульского уезда) муллы указывали дехканам, что поездка женщин на конференцию «противна шариату».

Под влиянием духовенства в Кибрае два раза была сорвана конференция дехканок, на которую даже коммунисты отказались отпустить своих женщин.

Случалось не раз, что на конференции посылают старух, покупая их за 3—5 рублей.

Как умеют баи и муллы проводить «кампании» против нас и нашей работы—поучителен пример с рабочим Ахунджановым.

Ахунджанов—рабочий Ташкентского трамвая. С его разрешения, на собрании ячейки «Кошчи», его жена недавно сняла паранджу.

Рабочий Ахунджанов нарушил законы шариата, и против него во главе с муллой поднимается ожесточенная кампания в I-й махалле Шейхантаурской части (месте его жительства).

Против него организуют нападение, избивают и грозят выселить из махалли. Составляется приговор всей махалли с требованием выселения и направляется в г. Исполком.

Ахунджанов берет свидетельство врача о нанесенных ему побоях и заявляет в милицию. Ахунджанов идет к обл. прокурору и подает заявление о привлечении к судебной ответственности тех, кто бил его. Обл. прокурор посылает заявление Ахунджанова прокурору старого города, последний—в милицию. В милиции оказывается дело Ахунджанова «пропавшим».

Ахунджанов идет в Женотдел, добирается до партии, но, пока что, 2-й м-ц Ахунджанов не может получить защиты от баев и мулл своей махалли. Пример Ахунджанова может слишком «развращающе» подействовать на остальное население и муллы и баи используют всю силу, все свои связи, влияние, чтобы беспощадно наказать Ахунджанова за нарушение шариата.

Так, не в одном случае с Ахунджановым, а в десятках, в тысячах случаев борьбы против ростков нового быта.

Большинство нашего мусульманского духовенства (в его консервативно-реакционной части) против всяких женских свобод,

Большинству желательно еще больше усилить законы затворничества для женщины, запереть на железные засовы двери на женские половины («ичкары»), не допустить женщин до «развращающих ее» собраний и с'ездов.

Вот с каким учением выступил недавно в Маргелане мулла Фазыльджан-Магзум:

1. «Если женщина выходит из дома, хотя бы с разрешения своего мужа, то муж ее считается сутенером и совместно с таким человеком совершать намаз воспрещается.

2. Магомет говорит: «если женщина будет выходить из дома своего мужа на улицу и муж ей не запрещает—этот мужчина считается сутенером.

3. Такой мужчина не имеет доверия и во время совершения намаза запрещается стоящим позади него молиться.

Сираджия (священная книга) указывает: если женщина выходит из дома и муж ей этого не запрещает, то такой мужчина считается сутенером, его молитва богом не принимается и запрещается вместе с ним кушать.

Жизнь такого человека проходит напрасно, бесполезно.

4. Если женщина выходит из дома, несмотря на запрещение мужа, т.-е. ослушается его, то муж имеет право ее не кормить, не одевать, ничего ей не давать и тогда обязателен развод.

5. В книге Усуль-Хами говорится: если женщина на глазах своего мужа выходит из дома и муж ей этого не запрещает, то такой мужчина считается сутенером и стоящим позади него, совершать намаз воспрещается».

Но Фазыльджан-Магзум, очевидно сам понимает всю абсурдность предлагаемых им мер и тутже делает оговорку, что приведенные указания не

относятся к дехканкам, а только жительницам городов.

Сам Фазыльджан-Магзум, очевидно, понимает, что невозможно увеличивать строгости затворничества там, где жизнь выводит узбечку в поле на сбор хлопка, толкает в артели, на фабрики и заводы.

Как же реагировало маргеланское население на выступление Ф.-Магзума?

«Население было возмущено, не верило и спрашивало неужели все это правда, что написал Фазыльджан-Магзум?»

Так пишет о настроении населения Максум-мулла Урунбаев в своей статье против выступления Магзума («Фергана» № 392).

Больше того, Мулле Магзуму, потерявшему свой авторитет среди населения в связи с выступлениями архи-реакционного характера, пришлось на время даже выехать из Маргелана.

Если считать Фазыльджан-Магзума выразителем взглядов консервативно-реакционной части духовенства, то какова «программа» прогрессивной его части?

Вот, что от лица прогрессистов пишет мулла Урунбаев в газете «Фергана».

«Если это так, как указывает Фазыльджан-Магзум, так ведь не только в Маргелане, Фергане, а во всем мире—все сутенеры, в том числе и сам Фазыльджан и даже Магомет.

Дабы у нас здесь выйти из заблуждения, из темноты и правильно раз'яснить действительное мнение религии, я привожу следующие обоснования:

Женщины по шариату, по заветам Магомета с мужчинами занимают равное положение перед богом.

Женщины, также наравне с мужчинами, могут совершать намазы пять раз в день, они могут участвовать в общественной жизни. так же, как и муж-

чины имеют право ходить в гости, на базары, учиться, получать образование (разрешается даже женщинам занимать посты такие, как Шариатский казий, муравали и пр.).

Все это подтверждается следующими книгами:

Даруль Мухтар, ч. 4, стр. 370.

Что же остается от шариата после обоснования муллы Урунбаева?

Что говорить о резком противоречии советского законодательства с шариатом, когда последний дает женщине возможность занимать любую должность, учиться, участвовать в общественной жизни?

Многие муллы не только у нас, но и на некоторых женских с'ездах соседнего Казакстана, продолжая «обоснование» Урунбаева, так и утверждали, что коран и шариат дают женщинам больше прав, чем советские законодательства.

Муллы стараются повернуть коран и шариат «лицом к женщине», чтобы доказать, что ожидаемое ей освобождение идет не от Советов, а все от тех же мулл, Магомета, бога. Так ли на самом деле хороши законы шариата о женщине?

Вот некоторые из них на выдержку:

§ 3. Совершеннолетними почитаются юноши, достигшие 12-летнего и девушки 9-тилетнего возраста.

§ 4. Несовершеннолетние могут быть связаны без **их согласия** брачным договором их родителями или валиями.

§ 34. Жена обязана:

а) подчиняться его (мужа) приказаниям, если они не безрассудны.

б) не показываться без уважительных причин **в публичных местах.**

§ 36. **Непокорную жену муж вправе лишить свободы и после увещаний подвергать легким телесным наказаниям** и т. д.

Дальше последнего пункта, кажется, идти некуда.

Если в некоторых имеются еще оговорки вроде «если не безрассудны», «без уважительных причин» и пр., то в § 36 без всяких оговорок определяется положение жены и мужа в семье.

Безграничная власть с одной стороны и рабское повиновение—с другой.

В каждом из последующих за 36 пунктом, шариат все более резко подчеркивает неравноправное положение женщины в мусульманской семье:

Жена должна соблюдать строго супружескую верность—муж не подвергается взысканиям за несоблюдение супружеской верности (§ 38).

«Жена никогда не может развестись с мужем против его воли» (§ 42).

«Муж может развестись с женой по своему желанию и усмотрению без об'яснения причин» *) (§ 2).

Женщина не имеет никаких имущественных прав, за исключением небольшой доли в наследовании.

Женщина не имеет никаких прав на участие в общественной жизни.

Так, по шариату даже показание женщины на суде равняется лишь полголосу, и чтобы иметь показание одного свидетеля, нужно показание двух женщин.

Что же, несмотря на такое недвусмысленное определение шариата роли женщины, заставляет

*) Все выдержки у шариата взяты из книги «Опыт систематического изложения главнейших начал шариата» Изд. Ташкент, 1909 г.

Государственная БИБЛИОТЕКА СССР им. В. И. Ленина

наиболее умную, прогрессивно-настроенную часть духовенства искать новых толкований.

Вот как отвечает на это в своей статье Максум мулла-Урунбаев: «Я желал-бы, чтобы улемисты поняли, наконец, что темнота ведет народ к заблуждению, что необходимо учиться для того, чтобы жизнь наша была светлей и культурней и только наука может нас привести к этим достижениям.

Все на свете прогрессируется и совершенствуется, наука достигла благих результатов для человечества. Возьмем, к примеру, поезда: ведь если сам Фазыльджан Магзум задумает поехать куда-нибудь, скажем в Бухару, не поедет он верхом на лошади, он сядет для этого в поезд; также он у себя не жжет свечку, когда ему темно, а имеет хорошую лампу. Он не носит халатов из маты, а из хорошего материала. Все это достижение науки и Фазыльджан Магзум должен понимать это, однако, он говорит о вреде учения и развития. Пусть наши улемисты сознаются, что все их проповеди и учение сплошная ложь, весь их фанатизм гибель для народа».

Да, в век трамвая, трактора, электричества— даже духовенству дики черные сетки из конского волоса на женских лицах.

Как можно терпеть самое кошмарное рабство женщины, когда все «прогрессирует и совершенствуется», когда вся жизнь перестраивается.

Вместо свечки—электричество, вместо маты—мануфактура, вместо ишака и верблюда—автобус, трамвай, поезд, аэроплан, а где новое за тысячу триста лет после Магомета в положении женщины?

Как думает мулла Урунбаев—думают многие не он один.

Вот, что постановило Областное Духовное Управление Ферганы по поводу выступления Фазыльджан Магзума:

1. «Слушали протокол заседания Уездного Д. У. от 27/IV и статью в газете «Фергана» № 392 по поводу выступления имама гор. Маргелана Мударис Фазыльджан Магзума по женскому вопросу и вообще религиозные взгляды на жизнь.

2. Постановили: Мударис Фазыльджан Магзум, занимая пост имама мечети Джази гор. Маргелана, являлся религиозным наставником, известным среди верующих. Его выступления по женским и др. вопросам содержали в себе **явно анти-шариатское суждение**, направленное в сторону закабаления масс в тех прежних бытовых условиях, которые являлись прямым следствием отсталости мусульманского народа в культурном отношении.

Заветы Магомета и сама жизнь ярко обязывает нас бороться со всем тем, что идет против культурных завоеваний, и мы, осуществляя **желание многих**, решили утвердить протокол Маргеланского Д. У. по поводу назначения религиозного суждения действий Фазыльджан Магзума, учитывая, что аналогичные Фазыльджану мнения имеются в части духовенства с некоторыми достижениями. Процесс назначить на 25/VI—с. г. в г. Маргелане. Состав суда будет назначен особо».

Подписали:

Председатель Мичи-Кудрат-Хозрат.

Секретарь Садыханов.

Члены: Урунбай-Кары, Нигмаджан Агалыков, Усман Ходжа, Шарафердин Ходжаев.

Помимо этого Д. У. послало извещение в газету «Фергана» с приглашением к верующим принять участие в этом процессе.

Говорят, что, когда выездная сессия Д. У. приехала чинить суд и расправу над Ф. Магзумом, последнего в Маргелане не оказалось, так как он был еще «в бегах» после скомпрометировавшего его выступления «по женскому вопросу».

Так, примерно, развертываются события в Узбекистане.

Так же обстоит и в других республиках.

Вот, что пишут нам из Полторацка:

«Сейчас начинается борьба за вовлечение девушек в систему элементарного образования. При чем характерно, что эта борьба идет не только между духовенством и советскими школами, но отчасти и среди самого духовенства. Так, часть духовенства Полторацкого округа привлекает в свои школы девочек.

Попытки прогрессивного толкования корана по отношению к женщине были, главным образом, относительно права на образование и права свободного выбора мужа (Багир, Кеши)».

Чему учит нас вся эта история с выступлением духовенства?

Первое. Духовенство становится все более активной силой в борьбе за женские массы.

Второе. Архи-реакционные выступления (вроде Магзумовского) вызывают возмущение и поддержки в массах не находят.

Третье. Бороться за влияние на женские массы можно теперь лишь с новыми лозунгами, новыми толкованиями корана за освобождение женщины.

Четвертое: Прогрессивная часть духовенства, идя **за жизнью** и ее требованиями, так и делает и

старается взять в свои руки инициативу и руководство движением за новый быт.

Почему духовенство так активизирует свою работу на этом участке фронта?

Может ли духовенство новыми толкованиями корана помочь нам в партийной работе среди женщин, хочет ли оно помочь?

Прежде всего, несомненно, что для мусульманского духовенства вопрос о женщине—это вопрос о сохранении своего влияния на мусульманскую семью.

Женщина—рабыня, вся жизнь которой полна страхов перед непонятной ей силой корана и шариата, каждый шаг которой окутан таинственностью религиозных установлений - лучшая опора муллы в семье коренных народностей Средней Азии.

Мулла может придти в дом мусульманина и проклясть женщину за одно обращение за медицинской помощью при родах.

Мулла может приказать не нести больного ребенка к врачу и будет лечить сам молитвой и испытанными средствами «от дурного глаза».

Мулла все может, все делает, без его указания нельзя провести ни одного крупного начинания.

Мулла лечит женщину даже от бесплодия.

Как лечит:

Дает женщине пить настой из высушенных зародышей лягушки и такую же смесь вкладывает во влагалище.

«Мулла дает камешки с молитвенными надписями, которые женщина вкладывает во влагалище, ожидая от этого беременности».

(Из отчета Самаркандского врача Васильевой).

Понятно, что теперь, когда коммунистическая партия в своей работе среди женщи добирается

до этой последней цитадели мусульманского духовенства—последние открывают бой. Нашим помощником в деле раскрепощения женщины духовенство никогда не будет, как бы по новому оно не толковало коран и шариат.

Борьба между консервативно-реакционной частью духовенства и „прогрессистами"—есть борьба между собой за сохранение влияния на мусульманскую семью.

Обе стороны как „консерваторы", так и „прогрессисты" разными методами и способами, но одинаково ожесточенно, ведут борьбу против влияния коммунистической партии на женские массы.

Все это нам прежде всего и нужно учесть в нашей партийной работе по раскрепощению женщины.

II.

Раскрепощение женщины—историческая необходимость.

„Женский вопрос" ставится и разрешается не только у нас в странах Советского Востока, но и за рубежом.

„Женские реформы" проводят и соседние с нами страны—Афганистан, Персия и Турция.

Может казаться совершенно невероятным, что вопрос о женщине ставит самая реакционная страна в мире—Афганистан, претендующий после упразднения халифата, на центральное место в руководстве мусульманским религиозным движением.

Афганистан с неограниченной властью эмира, Афганистан, оказавший покровительство эмирской сволочи, бежавшей из Бухары, Афганистан, поддерживающий в свое время басмачей—против со

ветской власти—ставит, примерно, те же вопросы что и мы.

Так, в книжке Л. Никулина (Изд. „Красная Новь" 23 г.) мы находим указание о постановлении по вопросу о калыме:

„Недавно одна из реформ запретила взимание выкупа больше 30 рублей, а раньше было запрещено многоженство".

Афганистан поднял также вопрос о запрещении выдачи замуж малолетних, об установлении налогов на „вторых и третьих жен".

Как о всех этих реформах говорит сам Аманулла-Хан-эмир афганский*).

„Да, моей целью при введении в действие этого наложения является то обстоятельство, что я за время своего царствования не видел в отношении вопроса о замужестве и избрании себе жен, ничего кроме розни между афганской нацией и многочисленные недоразумения и столкновения".

„Равным образом женитьба на малолетних часто порождает рознь и вражду, когда, например, один выявляет, что эту, мол, девочку ее отец во время раннего детства обручил мне. В этом случае в доме жениха возникает большой спор, а равно большое разногласие и раздоры происходят в доме невесты".

В целом ряде выступлений в продолжении заседания „Люйе-Джирге" по обсуждении проекта брачного права, Аманулла-хан заявляет:

„В этом случае я соблюдаю лишь благо своей науки".

---

*) Все выдержки из выступлений Аманулла-хана приводятся по протоколу (переведено с персидского) о заседании великого национального собрания Афганистана „Люйе-Джирге". Заседание „по зачтению проекта брачного права".

В ответ на выступление духовенства, недовольного проектом правительства, „его величество“ не останавливается перед резкостью выражения.

Вот как говорит протокол заседания „Люйе-Джирге“ об одном из выступлений эмира:

„Здесь эмир Аманулла-хан в весьма резких и четких словах дал об'яснение тех прав, которые женщины имеют над мужчинами и логически доказал весь ужас тех несправедливостей, которые практикуются над несчастными женщинами, вследствие института многоженства, когда некоторые жители продают и обменивают жен на скот, в случае они не угодят им, и содержат их в весьма приниженном положении“.

Эмир упорно добивается проведения законодательства в части семейно-брачных отношений и использует все меры воздействия на духовенство и вождей племен, входящих в „Люйе-Джирге“.

„О, Вы, те, на которых бог возложил ответственность за благоденствие или несчастье их (женщин); соблюдайте и охраняйте их права и, отказавшись от пристрастности, разбирайтесь с соблюдением справедливости в сущности вопроса“.

Члены „Люйе-Джирге“ неособенно поддаются на призывы эмира и „бурно сопротивляются“ проведению законодательства, предложенного правительством.

Заседание длится до 12 час. ночи, переносится на следующий день (30 саратана), вызывает целые обструкции.

Вот как отмечает протокол во многих местах настроение присутствующих:

„В этом месте со стороны улемов, векилей и членов собрания поднимается буря протестов“.

„Также поднимается много протестов против обложений, устанавливаемых в случае заключения второго, третьего и четвертого брака“.

Трудно судить по протоколу, в котором принятые решения не приведены, но можно предполагать, что в ряде позиций (о брачном возрасте, налог на вторых, третьих жен и пр.) Аманулла-хан отступил.

Проект, предложенный правительством, значительно смягчен.

Но как бы то ни было—вопрос о „женских реформах“ Афганистан ставит и достаточно настойчиво.

Можно-ли в этом усмотреть желание Аманулла-хана подражать мероприятиям Советской власти?

Есть ли тут желание „показать“ себя перед Европой и наперекор всем желаниям духовенства при „бурных протестах“ проводить новое законодательство о женщине?

Меньше всего тут и первого и второго.

Очевидно, Афганистан, вступивший под управлением Аманулла-хана на путь больших преобразований столкнулся с „женским вопросом“ на иной почве.

Афганистан включает в состав своего населения много различных племен. Так, в книге „Афганистан“ (Изд. „Всероссийской научной ассоциации Востоковедения 1923 г.) проф. Анучин пишет:

„Афганцы, впрочем, распадаются на ряд племен (и множество родов). Коренным афганским племенем, живущим еще и теперь в области первоначальной родины афганского народа, северной и средней части Сулеймановых гор . . . считают керланейцев, которые сами себя называют пушрупами. Это, собственно, не племя, а группа племен,

в состав которых входят племена: афреди (или оприди), отманды, везиры и др., отчасти ведущие кочевой образ жизни".

Перед Аманулой-ханом стоит задача создания крепкого государства, уничтожение вражды отдельных племен, установление того спокойствия и порядка, который может обеспечить труд землевладельцев и безопасность и спокойствие торговой буржуазии.

„Женский вопрос", очевидно, один из больших моментов в раздорах между племенами. Вот, что говорит Аманулла-хан об обычае заложниц:

„Другой обычай, полностью аннулированный и запрещенный брачным правом, который до этого времени господствовал во всем Афганистане—это обычай заложниц. Этот обычай, вызывающий стыд, настолько привился между разными племенами, группами и семьями, что постоянно являлся причиной беспощадной траты времени правительственных чиновников".

Дальше Аманулла-хан приводит один из примеров, когда одно племя наложило на другое обязательство выдать ему 70.000 девочек.

При длинных переговорах „парламентеров" со стороны обоих племен цифра заложниц была снижена до 7 человек.

Для нас виден факт, что этот обычай, как и все, остальные, связанные с положением женщин (умыкание, калым и пр.), мешают об'единению афганских племен в нацию и Аманулла-хан недаром во всех своих выступлениях по „женскому вопросу" указывает на то, что он действует в интересах нации, в целях прекращения раздоров между отдельными семьями, группами и племенами.

„Женский вопрос" выдвинула история и перед Турцией. Последняя вступила на путь капитали-

стического развития и уже тем самым на путь борьбы с пережитками средневековых, феодально-патриархальных отношений.

Начиная со смены феодальной знати—молодой турецкой буржуазии у управления страной, с упразднением Халифата, кончая заменой фесок европейского образца головными уборами, Турция меняет старое.

Неизбежна в Турции и постановка вопроса о женщине, о затворничестве, чадре, женском образовании и проч.

Национальное собрание Турции выделяло специальную комиссию по разработке семейно-брачного кодекса. К сожалению, мы не имеем сведений о порядке его прохождения и основных моментах содержания, по заявлению т. Пуриэ. недавно вернувшейся из Турции, в ее брошюре „Положение работниц в Турции:"*).

Буржуазия предоставила женщинам все права и возможности, какие имеет женщина в любой буржуазной стране (даже проституткам на руки выдаются бланки на европейский манер), но турчанки отстраняются от педагогической деятельности.

Конечно, буржуазия в своих преобразованиях сметет, прежде всего, то, что мешает ее резвитию обогащению.

Буржуазия против законов затворничества, которые мешают выходу женщины из дома на фабрики и заводы.

Буржуазия против чадры, потому что чадра мешает турчанке работать на капиталиста.

Но ни одна буржуазная страна в мире, в том числе и Турция, не в состоянии разрешить вопро-

*) Изд. „Вопросы Труда" 1926 года.

са о подлинном равноправии труженицы и ее раскрепощении.

В Турции до 25 тысяч работниц на фабриках и заводах, живущих в кошмарных условиях—рабочий день турчанки на фабрике 9-10, а во многих случаях и 12 часов.

Заработная плата за каторжный труд колеблется от 20 пиастров до 1 лиры (лира 99 коп.,—в лире 100 пиастров).

Подлинное освобождение работницы, без лицемерия и фальши может провести только власть трудящихся, власть советов.

Вот как определяет свои конечные цели в деле раскрепощения женщины коммунистическая партия—руководитель трудящихся масс:

„Буржуазная демократия в течение веков провозглашала равенство людей независимо от пола, расы и национальности, но капитализм не позволил нигде осуществить этого равноправия на деле, а в своей капиталистической стадии привел к сильнейшему обострению расового и национального гнета.

Только потому, что Советская власть есть власть трудящихся, она смогла до конца во всех областях жизни впервые в мире провести это равноправие, вплоть до полного уничтожения последних следов неравенства женщины в области брачного и вообще семейного права. Не ограничиваясь формальным равноправием женщин, партия стремится освободить их от материальных тягот устарелого домашнего хозяйства путем замены его домами-коммунами, общественными столовыми, центральными прачечными, яслями и т. п.“

(Программа партии § 4).

Но если история заставила Турцию и даже Афганистан поставить „женский вопрос“, то почему его не ставят наши круги торговой буржуазии?

Несомненно, что существующие бытовые рамки теснят и нашего купца.

Несомненно, что и наш купец понимает пользу образования для своих дочерей, роль гостеприимной хозяйки-жены, встречающей купеческих гостей с открытым лицом и т. п.

Почему же наш купец не ставит женского вопроса?

В наших условиях лозунг раскрепощения женщины—это лозунг советов и коммунистической партии.

В наших условиях, когда вся власть в руках трудящихся, для антисоветских националистических кругов есть лишь одно прибежище—ислам.

И эти круги, хотя бы и сами не верили в ислам, за ислам держатся и на нем стараются организовать недовольство дехканских масс.

Во все годы басмачества в Средней Азии одним из основных лозунгов врагов трудящихся было: „Коммунисты хотят открыть женщин“, „Власть против ислама!“ „Боритесь с Советской властью“.

Этот лозунг был основным до последних дней и в воззваниях Ибрагим-Бека, последнего крупного басмача в восточной части Бухары, недавно сбежавшего в Афганистан.

Еще в мае—июне месяцах этого года в Султан-Абадском районе дамулла Кадыр, зачитывал в мечети письмо Ибрагим-бека к населению.

В письмах говорилось, что Красная армия прежде всего будет отбирать жен и детей.

В кишлаке Хавгон Гиссарского вилайета в те же месяцы дамулла Товар призывал население

организовываться на борьбу с кафирами, которые ,,хотят открыть женщин".

Так было и в десятках других кишлаков.

Лозунг этот используется не только в деле помощи басмачам, но даже...в агитации против земельной реформы.

На этом лозунге бывшие эмирские чиновники в настоящее время стараются организовать население против проведения земельной реформы в Зеравшанской области.

Так, в Вабкентском районе в кишлаке Сар-Хозар после доклада Ахун-Бабаева о земельной реформе—Ишан-Юсуф Ходжа, Хожда Туран, Шукур-Иман-Оглы и др. говорили населению: ,,Вот прибыл высший властитель, который на полном базаре говорил, чтобы женщины сбросили паранджу. Этим самым неверные имеют цель сбить с пути мужчин и женщин всего мира".—Если это можно говорить по докладу, который совершенно паранджи не затрагивал, то во всех остальных случаях агитация ведется еще более ожесточенно.

В агитации используется каждая ошибка партии в работе среди женщин, чтобы сказать населению—

,,Вот как делают те, кто против ислама" и что ,,только мы свято храним заветы Магомета и защищаем ислам от нападок власти".

В такой роли защитников ислама выступают антисоветские круги, чтобы иметь хотя бы какой-нибудь политический капитал в массах.

Кто же иначе будет слушать, если они прямо выступят против земельной реформы?

Кто пойдет за ними, на защиту их земель, отобранных властью трудящихся для дехканской бедноты?

Вот почему наши антисоветские националистические круги торговой буржуазии не поддерживают даже турецких женских реформ.

Отдельные идеологи этой буржуазии выступают по этому вопросу даже в наших периодических изданиях. Так, в органе Узбекского Наркомпроса в 1926 году очень недавно, путанно, ветиевато, прикрываясь всякого рода отвлеченными суждениями—писал один из них по вопросу ,,О голове и головных уборах" (по поводу замены турецких фесок европейского образца головными уборами).

В гигантской работе, которую проделывает коммунистическая партия в перестройке старого, в области работы среди женщин, ей приходится много из того, что должна была бы сделать до нас буржуазия.

Нам приходится чистить ,,авгиевы конюшни", как говорил тов. Ленин.

,,Каковы были главнейшие проявления, пережитки, остатки крепостничества в России в 1917 г.?

Монархия, сословность, землевладение и землепользование, положение женщины, религия, угнетение национальностей.

Возьмите любую из этих ,,авгиевых конюшен"... вы увидите, что мы их вычистили начисто".

Так писал Ленин ,,К четырехлетней годовщине Октябрьской революции".

Девять лет назад, в Октябре 1917 года у нас разрешен вопрос о власти.

В стране советов, как нигде в мире, разрешен национальный вопрос, и вместо прежней колониальной политики царизма и угнетения наций—есть братский союз народов.

У нас по всему СССР разрешен вопрос о землепользовании, и во всех участках Союза, даже

здесь, в Средней Азии, земля теперь находится в руках трудового дехканства.

Что же продолжает оставаться из тех пережитков старого, о которых говорил т. Ленин к „Четырехлетней Октябрьской годовщине“?

Остается до сих пор, после 9 лет советского строительства—вопрос о положении женщины, в наших условиях тесно связанный с вопросами религии.

„У нас нет . . . такой низости, гнусности и подлости, как бесправие или неполноправие женщины, этого возмутительного пережитка крепостничества и средневековья“.

Так, к 4-хлетней Октябрьской годовщине писал тов. Ленин о советском законодательстве о женщине.

У нас „лучшее в мире“ законодательство, но сам тов. Ленин много раз указывал на то, что мало иметь писанные законы—нужно провести их в жизнь.

Как обстоит дело с чисткой всех тех „авгиевых конюшен“, о которых говорил т. Ленин. Монархии нет давно и власть в руках трудящихся, не как нечто писанное на бумаге, а реально существующее и достаточно дающее себя чувствовать каждому эксплоататору.

Законодательство по национальному вопросу—не декларация, а реально проводимые в жизнь мероприятия по поднятию хозяйства и культуры ранее угнетенных наций, по приближению аппарата государственного управления к населению, по образованию целого ряда автономных национальных областей и республик.

По вопросу о землепользовании—не только декрет о земельной реформе, но и наделение десятков тысяч бедняцких дехканских хозяйств в Средней Азии.

А вот, по вопросу о положении женщины в Средней Азии советское законодательство до сих пор в жизнь не проведено, а до сих пор остаются „возмутительные пережитки средневековья“.

„Мы должны перейти в наступление“

Тов. Зеленский (Председатель Средне-Азиатского Бюро ЦК) так определил задачи партии в работе среди женщин (на 3-ем Краевом Совещании Женотделов):

„—Мы должны дать лозунг в нашей работе „итти в наступление“. Мы должны пойти в наступление против той темноты, против затхлости форм нашего быта, против той экономической отсталости, которая сейчас служит основой закрепощения женщины.

Краевое партийное совещание (май 1926 года) посвятило вопросам работы партии по раскрепощению женщины специальный доклад и в своих постановлениях отметило особую важность этой работы в условиях Средней Азии.

Почему?

Потому что у нас развитие хозяйства, товарных отношений и дифференциация кишлака и аула создают благоприятные условия к вовлечению в хозяйство женских рабочих рук, а в то же время быт, сохраняющий до сих пор рабство женщины (калым, многоженство, затворничество, выдача малолетних) затрудняет движение в среде женских широких масс к экономической самостоятельности и вступает в противоречие с экономикой“.

(Из резолюции Краевого Партийного Совещания).

Что это значит?

Быт, как одна из надстроек, всегда отстает от экономики.

Может быть Краевое Партийное Совещание неправильно указало на то, что быт вступает в противоречие с экономикой и мешает хозяйственному развитию?

Какие у нас могут быть факты в подтверждение этого положения, выдвинутого Совещанием? Фактов сотни, достаточно привести из них хотя бы следующие:

„Около двух миллионов рабочих рук связаны паранджей, недостаточно вовлечены в хозяйство в то время, как хозяйство дехканина прибегает к наемной рабочей силе.

В последнее время отмечается явление выхода женских рабочих рук в хозяйство в форме батрачества, а по старым законам—мусульманин не может иметь в доме женщину „не жену и не родственницу".

Батрачки эксплоатируются под видом жен чайрикеров, батраков, родственниц и, конечно, до них не добирается никакая защита со стороны профессиональных организаций.

Старые бытовые условия создают дополнительное препятствие в деле организации кустарниц.

Напр., дело шелководства. Последнее находится целиком в руках женщины, а сбывает коконы ее муж, а сама женщина никогда не выходит из дома. чтобы послушать указания инструктора Туркшелка, не понимает пользы организации артелей, не знает более культурного ухода за шелковичным червем.

Узбечка вышивает платки, сюзанны, тюбетейки; туркменка и киргизка делают кошмы, ковры, приготовляют молочные продукты и проч., а н

рынок все это сбывается через мужа, родственника или скупщика.

Государственые организации—Кирсырье, О-во ШЕРСТЬ, заготовляя до 100 тысяч пудов шерсти ежегодно, имеют дело только с хозяином—мужчиной и из-за него не видят фактической хозяйки—киргизки.

Не мудрено, что первые шаги Туркменторга к озадачиванию непосредственно самих туркменок были чрезвычайно трудны и совершенно не показаны аулу. В первые дни бывали случаи, когда, впервые в жизни получившая себе на руки деньги за ковер, туркменка не знала, как с ними поступать и спрашивала в Женотделе:

«Могу я из этих денег дать мужу?.

Опыт непосредственной связи Туркменторга с производительницами в первые же месяцы вызвал женский актив (организаторов артелей, членов правлений).

Первые же месяцы, выдвинувшие туркменку из за спины мужа и скупщика—породили тягу к учобе... Мы теперь должны уметь считать сами, записывать, уметь читать — нам нужно открыть школы».

Старый быт с его строгими законами затворничества дает на фабрики и заводы старух.

Молодежь боится насмешек, издевательств, взглядов на себя, как на «джеляб» (проституток) и на фабрики не охотно идет.

Из старух трудно создать обученную рабочую силу и крепкие кадры женской части пролетариата. Тоже по всем вопросам применения труда женщин коренного населения.

То же с вопросом о выходе кустарниц со своими изделиями на базар.

То же с вопросами имущественных прав дехканок, в частности прав на землю и воду.

Везде, во всех случаях вопрос может быть разрешен лишь путем разрушения старых бытовых устоев.

Развитие хозяйства и все большее вовлечение в него женских рабочих рук идет по пути разрушения старых форм быта.

Старые формы, особенно настойчиво поддерживаемые религией, в свою очередь создают препятствие на пути успешного хозяйственного развития республик Средней Азии.

Кто не хочет понимать этого, тот помогает врагам трудящихся, тот тормозит дело хозяйственного развития своей республики.

Не только с точки зрения хозяйственных задач жизнь ставит перед нами вопрос о раскрепощении женщины. «Рабское положение женщины в быту является крупнейшим препятствием в деле культурного строительства. Наряду с другими условиями жизни и быта коренных народностей— оно является одной из причин вырождения в ряде районов Средней Азии». (Из резолюции Краевого Партийного Совещания).

Это положение подтверждается на каждом шагу, в сотнях примеров, не раз приводимых и Женотделами. Достаточно указать о той бытовой обстановке, которая есть, которая калечит мать и ребенка.

Как рожают женщины коренного населения?

«В случае трудных родов роженицу поворачивают лицом вниз, четверо берут ее за руки и за ноги и трясут, считая, что оказывают благодеяние» (из материалов обследования Полторацкого округа).

«Чтобы тошнило женщину и начались потуги, толкают ей в рот волосы или шерстяной аркан,

тянут женщину за язык и давят ей на живот, ускоряя роды, обходят со ступой вокруг юрты и стучат, прогоняя дьявола» (из материалов Киргизии).

Ребята мрут почти поголовно от оспы.

Родители ни за что не дают врачу прививать оспу—это знак «шайтана», а делают прививку следующим способом: оспенные корки с больного человека растирают в порошок, жгут вату и пепел вместе с песком, на котором сжигается хлопок, соединяют с растертым порошком и эту смесь втирают ребенку в разрез на руке между большим и указательным пальцем.

(Из доклада комиссии по этнографическому обследованию Керкинского округа 1926 г.).

Кто не хочет понимать значения раскрепощения женщины, борьбы со старым затхлым бытом, с темнотой и невежеством матери—тот враг своего народа, тот содействует вымиранию населения.

Но может быть партия в своей работе по раскрепощению женщины совершенно одинока? Есть ли у партии союзник? Как относится сама женщина?

Когда то, в своих архи-бездарных «Туркестанских воспоминаниях», генеральша Духовская так писала об узбечках: «по улице расхаживают замаскированные чучелами сартянки».

«Чучела» на языке царских чиновников и их жен, женщины коренного населения за девять лет существования советов не остались немы и глухи.

Даже чачван и паранджа, так яростно защищаемые муллами и баями, не остановили роста сознания женских масс, не сумели помешать проникновению нового в «ичкары» и кибитки кочевников.

Более 40 тысяч узбечек по одной Ферганской области в 1926 году участвовало на общих собраниях по перевыборам органов власти советов.

В месяцы проведения земельной реформы узбечки, туркменки шли в земельные комиссии и отстаивали право дехканки на получение земли.

В недавней эмирской вотчине в Кермине узбечки субботниками месили глину, делали кирпичи;—строили для себя «женский клуб».

На волостных конференциях по Ташкентской области узбечки выступали и говорили:

«Почему муллам предоставлено право совершать венчание, когда в брак вступает малолетняя девушка? Нужно запретить.

— Почему, когда бывают в Каунчи показательные суды женщин на них не приглашают из кишлаков. Разве это делается только для мужчин?

— Почему власть так слабо борется у нас с многоженством?

— Вы ставите вопрос, чтобы мы участвовали в общественной работе. Как же мы будем работать? Мы ничего не знаем. Открывайте нам школу.

— Нам нужно учиться грамоте, чтобы потом лучше бороться с муллами и баями».

Тысячи подобных выступлений проходят по всем уголкам Ср. Азии.

Массовые кампании—8 марта, с'езды, конференции, перевыборы советов, революционные праздники—Октябрь, 1-го Мая захватывают огромные массы женщин коренного населения.

Более 22 тысяч узбечек, туркменок, киргизок, и за последнее время даже таджичек, организуются вокруг Коммунистической партии—в школах, клубах, советах, союзе «Кошчи» в качестве делегаток и проч.

Можно привести сотни примеров этой поднимающейся с каждым годом активности женских масс коренного населения.

Настроение женских дехканских масс в настоящее время можно характеризовать, как неудовлетворенность невыполненными обещаниями партии и советов.

— Нам нужны артели, школы, клубы, акушерские пункты, консультации, говорят на каждом с'езде дехканки, присылают письменные заявления в Женотделы.

Мы не можем открыть этих учреждений в таком количестве, чтобы удовлетворить все требования с мест.

— Что вы нам говорите о правах, когда эти права в жизнь не проводятся!

И мы должны сознаться, что наш суд плох, что калым, выдача малолетних, многоженство, затворничество до сих пор существуют и нам совершенно нечем отвечать на вопросы о том: «Почему советские законы не проводят сами люди, стоящие у власти, сами ответственные работники из коренного населения?

Несомненно, что при наличии активности со стороны женских масс, при недостаточной ее организованности и руководстве ею с нашей стороны —эта активность будет использована муллами и баями против нас.

Есть ли союзник у партии в деле раскрепощения женщины?

Несомненно, он есть в лице деревенской бедноты, батрачества, рабочих, которые менее связаны с муллами и ишанами, которые не имеют возможности платить калым за невесту, которым нужна женщина—помощница в общей работе.

Ряд фактов повседневной работы подтверждает это.

Так, рабочий с копей Кизыл-кия—Мирзаджан, приехавший учиться на рабфак, заставил свою жену Асаль-хан снять паранджу.

Так, по заявлениям коммунистов Загорной волости Киргизии «беднота не против того, чтобы женщины вовлекались в работу, но только затруднение в том, что женщины не могут ездить на собрание, так как у многих нет лошадей.

В Беговате (Мирза-чульского уезда) дехкане в помощь женскому клубу построили мост через арык, отделяющий клуб от кишлака.

В ауле № 5 Кенкольской волости по речке Талас дехкане устроили угощение женской конференции, подарив 3 баранов и ведро кумыса.

В Чиназе только в октябре закончена установка машин для женской артели (кустарный завод по трепке хлопка). Работала субботниками безвозмездно вся чиназская беднота.

Несомненно, что в 26 году, после проведения земельной реформы, освободившей десятки тысяч дехкан от экономической зависимости от бая, выявившей новый деревенский актив из низов бедноты и батрачества — союзник партии в деле раскрепощения женщины еще сильнее. И в 1926 году борьба со старым бытом за освобождение женщины должна быть решительнее и упорнее.

Если в этом году на фронте борьбы за женские массы проиграет партия—выиграют враги трудящихся, выиграют баи и мусульманское духовенство.

При условии мобилизации сил партии у нас есть все предпосылки к тому, чтобы борьбу со старым бытом провести успешно. Поэтому партия, прежде всего, и обращает внимание на свои ряды, в частности, на вовлечение в борьбу за новый быт прежде всего партийного актива.

Довольно формального отношения. Довольно разговоров о раскрепощении женщины.

Пора личным примером повести борьбу за новый быт.

«До тех пор, пока мы каждому ответственному коммунисту не будем пред'являть более решительных строгих требований, до тех пор, пока мы нашим коммунистам—ответственным работникам, которые претендуют по своему коммунистическому званию на руководящие посты в партии и советском аппарате, не скажем, если ты протендуешь на руководство, как коммунист, то, пожалуйста, будь добр и следуй коммунистической программе, ее идеологии, а если ты не можешь следовать ей, еще недостаточно отделался от буржуазной идеологии и если тебя сильно держат в своих руках баи, муллы и ишаны, тогда, пожалуйста, не претендуй ни на руководство партией, ни на руководство в советском аппарате, до тех нор, пока этого не будет, мы реальных результатов в борьбе за раскрепощение женщины не увидим».

(Зеленский «Доклад об очередных задачах партии в работе среди женщин»).

Так теперь ставит вопрос партия.

Как реагирует на это партийный актив?

За первую половину октября (этого года) прошло два собрания актива в Ташкенте и Пишпеке по этому вопросу.

Все выступавшие на заседании актива товарищи отмечали, что работа среди женщин членами партии не ведется.

Советские законы о калымах, выдаче малолетних— «в жизнь не проводятся даже ответственными работниками» (из выступлений Тюленева в Пишпеке).

«Почему же не проводятся законы? Мы плохи, а не законы». (Абдурахманов, Пишпек).

—«В случае нарушения законодательства члену партии нет осуждения даже в товарищеской среде. Человек украл девушку, заплатил калым, а мы на второй день его поздравляем с женитьбой». (Агиев—Пишпек).

На собрании актива в ст. гор. Ташкенте 19 человек записавшихся в прениях.

Все выступавшие также начинали с указания, что ничего не делается.

«Тот не коммунист, кто не революционер, тот не революционер, который не борется за раскрепощение женщины. Наши коммунисты до сих пор этой борьбы не ведут».

(Якубов, Ташкент).

«Даже старые коммунисты не могут отделаться от старых привычек и старых взглядов на женщину». (Кадыров).

«Говорим много, а ничего не делаем». (Ходжаев)

Все предложения Пишпекского и Ташкентского актива сводятся к тому, что работу нужно начинать.

Ответственные работники, партийный актив должны показать пример.

Актив, в первую очередь, должен открыть своих жен.

«Как мы бросали силы на земреформу, так должны бросить их сейчас на работу по раскрепощению женщины».

Вот какие решительные предложения вносились.

Вокруг этого вопроса нужно организовать всю партийную массу.

«Называем себя коммунистами, а важнейшего пункта программы не проводим».(Из выступления т. Шамсиева в Ташкенте).

«Паранджа темная занавесь религии.

Спадет паранджа—падет религия» (Таиров).

«Нужно начать с себя.

Раз партия говорит—нужно перейти к этой работе» (Турсун-Ходжаев).

Теперь нужно, чтобы ближайшие месяцы проверили, насколько у отдельных членов партии хватает решимости вести борьбу за раскрепощение женщины.

Нужно, чтобы все сказанное активом перешло в дело, мобилизовало силы партии вокруг лозунга—«наступление» на этом новом участке фронта— борьбы за женские массы, борьбы за новый здоровый, культурный быт, против затхлости старого.

С. Любимова.

√21/15

Любимова.

СДВИГИ

XIV-7306.



Ташкент 1925 г.

Узглавлит № 422. Типография № 3 Узгосиздата. Тираж 2000.

Долой рабство.

Советский Туркестан настойчиво идет вперед к высшим формам хозяйства, к культуре.

Рамки средневекового быта начинают непомерно теснить.

Консерватизм быта встает основным препятствием на пути культурного и экономического развития Туркестана. И в этом быту центральное место занимает, так называемый, «Женский вопрос».

Советский Туркестан, разрешивший, подобно всем Советским республикам, широко, как нигде в мире, вопрос о политическом женском равноправии, до сих пор сохраняет самое неприкрытое рабство женщины в семье.

Женщина коренных народностей Туркестана, получившая с Советами возможность участия в управлении государством с одной стороны,—с другой, до сих пор находится в безграничном подчинении отцу, мужу, не имеет и тени самостоятельности в семье.

Проблема раскрепощения женщины Туркестана—есть проблема огромнейшей важности в развитии производительных сил, в освобождении скрытой в потенции трудовой энергии миллионов.

Вот почему вопросы быта, борьбы с бытовыми пережитками выдвигает Коммунистическая партия Туркестана в число важнейших очередных партийных задач.

Вот почему работа партии среди женщин в Туркестане приобретает исключительную важность.

За старое в быту настойчиво цепляются силы привычки, религиозный фанатизм, наиболее консервативные слои духовенства, местного кулачества.

Но, несмотря ни на что, на общем фоне кошмарного бесправия—все более укрепляется новое, врастает в каждую щель отходящего, производит свою разрушительную работу.

Экономика прежде всего, за ней работа партии среди женщин, Советское законодательство делают свое дело.

Уже в тысячные колонны выстраиваются идущие за лозунгами Коммунистической партии.

В ломку старого семейного уклада выливается борьба за раскрепощение.

Революция в этой области началась с осознания вчерашней рабыни себя, как личности.

Разрушительная работа несет много болезненных явлений. На пути строительства нового—бесконечные трудности.

Здесь мы ставим задачей зафиксировать отдельные факты, характеризующие настоящий период борьбы за раскрепощение, отдельные моменты достижений в работе партии среди женщин, случаи остающегося кошмарного бесправия восточниц. В нашей работе среди женщин мы имеем выработанные партией, строго проверенные методы, мы зорко учитываем условия настоящего. Но нашей целью мы настойчиво ставим—изживание всяких остатков рабского прошлого в Советском Туркестане.

Продают.

Мало прочесть в письменном изложении обычного мусульманского права, что «брак есть договор, заключаемый с целью приобретения женщины для брачного с нею сожительства».

Нужно быть свидетелем этой унизительнейшей купли-продажи женщин, чтобы понять насколько обезличивается калымом человек, низводится на положение скотины, вещи.

В Туркестане, в соседних Бухаре и Хорезме—женщина прежде всего товар. По словам т. Городецкого, полпреда в Хорезме, на вопрос о рыночных ценах обычный ответ: «Верблюды подешевели, женщины подорожали» или наоборот. В разоренной басмачеством Ферганской области в 23 и в начале 24 г. женщины были особенно дешевы. Их целыми партиями, как товар, продавали в соседние области. Не спрашивая согласия женщины ни в каком случае—отец, муж, родственник часто спекулируют живым товаром.

Вот одно из характерных заявлений в женотдел:

От ДЖАНГДАЙ БАБАБЕКОВОЙ.

«Я жительница Актюбинского аула. По нашему обычаю мои родители сосватали меня, когда мне было 5 лет. Когда мне исполнилось 13, меня отдали замуж тому человеку, который сватал. Через некоторое время мой муж женился на другой, потом на третьей. Мы три женщины не могли жить спокойно, и я ушла. Родители мои умерли и я стала жить у дяди.

В один день мой дядя приходит и заявляет, что он продал меня за 8.000 (советские дензнаки) гражданину Турды-Чинасской волости, аула Кутерме. Всей силой старалась я отказываться, но не могла. Через месяц пришел мой покупатель и отвел меня домой. Он буржуй. У него 150 баранов, коров, лошадей, но все-таки я не могла жить и через 4 месяца убежала.

Муж требует, чтобы я вернула деньги, потраченные на свадьбу, у меня их нет.

Единственный выход—продать себя кому-нибудь, чтобы уплатить ему.

От имени обиженных женщин прошу женотдел содействовать в освобождении меня от этой платы».

В Туркменских районах, где вопрос о женитьбе обычное право связывает с правом на воду и землю (не женившийся воды не получает)—торговля женщинами приобретает еще более кошмарные размеры и формы.

Женщину перепродают один другому, воруют. Вот что пишет в Женотдел Туркмении житель аула Хуросань Джули-Анап Дурды:

«Два с половиной года тому назад я купил себе жену Агбиш Якши Мурат-Газы из аула Анаш-Алата Илоранской волости, заплатив за нее 250 пудов пшеницы, два халата, 25 кошм. Через 6 месяцев жена поехала в гости к отцу и не вернулась. Когда я пришел за ней, у меня попросили еще 50 пуд. пшеницы и обещали привезти жену через 3 дня.

Потом меня позвали к отцу. В юрте сидело до 20 туркмен—родственников, которые предложили мне дать развод, но я отказался приложить палец к разводной бумаге.

Через несколько дней меня поймали на базаре и чуть не убили, требуя развода. Мне посоветовали после этого уехать из аула, и я уехал.

Отец же продал мою жену Сары Мурыдову. Меня научили подать в суд, и я себе жену вернул, но через три месяца отец сам поселился у меня. Я кормил его и брата. который часто ходил.

Однажды, когда я был по дехканству в поле, отец с братом мою жену украли, увезли в другой аул, скрывали, и через 8 дней продали ишану Назар за 5 баранов.

Аул стал презирать ишана за то, что священное лицо мог взять неразведенную с мужем жену. Ишан жену отпустил, но отец сказал ей, что я умер и снова продал за 20 пудов пшеницы за Ана-Куль».

Бедный муж просит или вернуть ему жену, которая нужна в хозяйстве, как рабочая сила, как элемент, обуславливающий получение права на воду или вернуть

ему обратно калым, уплаченный отцу. И немудренно, что деревенская беднота, не могущая десятилетиями батрацкой работы собрать калымного имущества, чтобы купить жену—обращается в Женотдел и Советские органы с просьбой понизить цены на женщин.

„Есть заявления, пишет Завженотделом Туркмении т. Иванова, от дехкан с просьбой понизить цены на женщин, так как бедняцкое население не имеет возможности купить себе жену, а этим обуславливается целый ряд положений в дехканском хозяйстве, как например: водопользование".

Но, что может показаться курьезом во всякой другой обстановке, для Женотделов Туркестана совершенно обычно, например, следующее заявление:

МУХАМЕДА КУЛЫ АШЕРОВА (член КПТ № 5177).

«Овдовев 4 месяца тому назад, я имею желание жениться второй раз, так как в доме необходима хозяйка, но жениться в ауле я не имею средств, так как за жену нужно платить 50 верблюдов. А потому прошу Женотдел предоставить мне жену, если таковая выразит желание».

В поисках дешевых жен, туркмены не раз попадались на удочку ловких дельцов, действительных торговцев живым товаром. Так, туркмены—иомуды, жившие по берегу Каспия, часто выезжают в Баку. Здесь их ловили (в 23 г.) ловкие агенты, брали калым, венчали у татарского муллы.

Торговали, главным образом, татарками, понаехавшими в Баку в голодный 21 год.

«В Баку открылась «Черная биржа»—пишет образованный туркмен Каран-Хан-Оглы в докладной записке (июль 23 г.) в Азцик. У туркмен женщин меньше, чем мужчин, в женщинах недостаток, в доме иметь постороннюю женщину—не жену и не родственницу, даже в качестве прислуги, уборщицы—обычай воспрещает. Туркменам в их доме женщины очень нужны, многоженство им разрешается религией. Еще и в прежнее время многие туркмены приобретали для себя жен из волжских татарок. Для женитьбы близкого знакомства и чувств к своей будущей жене не требовалось.

Жен татарок туркменам предлагали татары-комиссионеры, и никаких хлопот и работ по разыскиванию жен тоже не требовалось. Калым же за татарок был раз в 20 меньше калыма, платимого за туркменку—жену. Вследствие всего этого туркмены охотно принимали предложения татар-агентов».

В 23 году Женстделом Азербейджана был поднят большой шум вокруг этого торга, проведено огромное судебное дело. И когда туркмены (5 случайно попавших) были посажены в тюрьму—вся Закаспийская Туркмения не понимала—за что?

Продажа женщин у туркмен и киргиз до ходит до того, что ни сама женщина, ни ее дети, хотя бы и взрослые, не могут противиться этому. Так, в своей брошюре о Туркмении тов. Иомудский приводит факт, когда 19-летнему юноше туркмену Гуль-Ниязу пришлось платить своим дядям 200 туманов отпускного, чтоб избавить мать от продажи.

Купленная же за калым женщина крепко оседает в семье мужа.

Даже по его смерти она не может располагать собой. По обычаю, она переходит со всем имуществом и скотом мужа в наследство ближайшему родственнику. Если наследовавший жену родственник уступает право женитьбы другому, он «впрве требовать вознаграждение в свою пользу».

В случае, если жене удается уйти из семьи мужа, то все ее дети обязательно остаются у родственников мужа.

Вот как расценивал в свое время этот обычай один из царских чиновников—полковник—Начальник Чимкентского Управления в своем рапорте за № 9662 в Самаркандское областное правление:

«Обычай передачи вдовы родственникам нам русским, конечно, кажется варварством, особенно, когда мы к суждению о чувствах киргизской женщины

прилагаем критерий, подходящий для культурной девушки, любящей только известного молодого человека.

Вернее в данном случае сравнить киргизскую женщину с деревенской бабой, которая часто требует от мужа, чтобы он ее «жалел» и хорошо содержал.

Взглянув с этой точки зрения, мы может быть вернее оценим положение киргизской вдовы и поймем, что оно еще не так плохо, как кажется».

Сколько в этом маленьком отрывке рапорта полковничьего пренебрежения к «деревенской бабе» и еще более пренебрежительно-колонизаторского отношения к женщине киргизке, которую ни в какой мере нельзя сравнить с «культурной девушкой».

Держат наряду с рабочим скотом.

Институт многоженства принижает женщину не менее, чем унизительная купля-продажа.

У баев, людей богатых, у которых много ковров, денег, скота—много и жен которых баи покупают часто, как необходимую рабочую силу.

Если жительницы оседлых районов—узбечки заняты лишь работой по дому—киргизка и туркменка несут на себе всю тяжесть кочевого хозяйства.

Даже в Ташкенте лично приходилось сталкиваться с 40, 50-летними узбечками, которые дальше своего квартала в продолжение целой жизни не выходили, не знают совершенно нового города, европейских зданий.

Кухня, муж, отчасти кустарные ремесла—вот круг ведения узбечек. Узбечка сама даже не ходит на базар—это делает ее муж. Лишь недавно появились узбечки-кустарницы на базаре со своими тюбитейками. Опять таки это беднота—вдовы, за которых на базар пойти некому.

Строжайшие законы затворничества, которые для узбечки освящают уродливый пережиток—чадру—густую сетку из конского волоса—запрещают ей разговаривать с незнакомым мужчиной. По шариату она не может «показать частей тела», даже рук, незнакомому. И женщины-торговки—Караном вещь совершенно не предусмотренная. Неслыханное дело раньше, чтоб десятки узбечек рядами рассаживались по базару, громко разговаривали из под чадры с покупателями, вертели на руке, освобожденной из под паранджи, свои тюбетейки.

Слишком мало узбечек и в производстве.

Профсоюзы Туркестана насчитывают лишь 700 узбечек, занятых, главным образом, в гренажном производстве на шелко-мотальных фабриках. В массе своей (более миллиона женской части узбекского населения) узбечка спрятана за высоким дувалом, в своем женском дворике, прикована к непроизводительному домашнему труду. Даже узбечка кишлака несет на себе всю тяжесть затворничества и не принимает особого участия в сельском хозяйстве, выходя в поле и сад лишь за сбором хлопка и винограда.

Туркменка, киргизка не только рабы в области семейных отношений,—они колониальные рабы в хозяйстве своего мужа.

Символической картиной труда киргизки—может быть картинка перекочевки киргизской семьи: киргизка разбирает юрту, навьючивает ее на верблюда; перебрасывает через плечо беремя саксаула, сажает на руки ребенка и в таком виде десятки верст по раскаленным пескам Туркестанских степей и пустынь ведет верблюда за повод. А на горбах „корабля пустыни“ покачивается ее властелин—муж, отдающий сверху приказания.

Все, чем богато киргизское хозяйство—дело рук киргизки. Киргизка «главная производительница ценностей в киргизском хозяйстве»—говорит одно из постановлений областной киргизской партконференции.

Не менее киргизок с утра до вечера «маячит» на работе туркменка.

Сколько бы ни было людей в кибитке, на всех она должна запасти воды.

В знойный день под 50—60 градусами жары, часто на расстоянии версты туркменка раз 7—8 должна сходить за водой. Если кому из мужчин вздумается ее пожалеть—его засмеют. Ему скажут:—«разве можно? Ты осрамишь весь наш род, если поможешь женщине!». А ведь помимо воды много, много других обязанностей на туркменке:—сготовить, сшить, наткать, а длинными ночами, когда ребенок плачет в люльке и когда ее муж и все гости спокойно спят—она должна приготовить муку на завтра. «Гуд идет по аулу ночью от ручных мельниц»—рассказывают т. т., побывавшие в аулах.

Долгие часы у каждой кибитки, на примитивнейших мельницах из двух больших камней, туркменка перетирает зерно в муку.

—«Эта мельница дает лишь 5—6 фунтов муки в час.—А сколько нужно на большую семью?» И не удивительно, что при таком каторжном труде туркменки, киргизки иной раз безразлично относятся к переменам в своей семье.

Их иной раз не так беспокоят даже вопросы многоженства, как это могло бы казаться.

Меньше всего это рассценивается, как изменение отношения мужа, и прежде всего с точки зрения облегчения хозяйственных тягот.

Вот что говорит об одном из таких случаев т. Иомудский (сам туркмен):—«В том же ауле жил мой двоюродный брат—Анна-Хан, лет на 40 старше меня. У него была почтенная, солидная жена, прекрасная хозяйка и мать. У нее было свыше десятка детей и хлопот по хозяйству было много, так как весь дом держался ее трудами. Анна-Хан уже старый человек с седой бородой, на один глаз слепой, как-то поехал в Астрахань и привез для себя новую жену—татарку, которую за него выдали ее братья—астраханские татары и получили за нее 450 руб. калыма. Как-же отнеслась к этому первая жена Анна-Хана? Она высказала, что она уже женщина пожилая, устала от работ: в течение нескольких десятков лет ежедневно печь хлеб на семью, шить, ткать, делать кошмы, ковры, готовить пищу, мыть. Произвела на свет много детей и вполне заслужила отдыха во всех отношениях, а потому Анна-Хан должен был взять, наконец, себе жену, чтобы теперь эта вторая жена работала и удовлетворяла потребности мужа, а она поживет спокойно и отдохнет».

Выдают малолетних.

Так же, как имеется декрет Турцика о борьбе с куплей и продажей женщин (калымом), так же есть декрет и о повышении брачного возраста для девушек до 16 лет.

По религиозным установлениям (шариату) этот возраст падает на 9-летних.

Советскими органами настойчиво проводится новое законодательство, но сильна сила привычки, за шариатом вековые традиции, и с фактами выдачи замуж малолетних. Женотделы сталкиваются достаточно часто. Чтобы судить насколько дикость старых установлений калечит не только морально, но и физически девочку—подростка, достаточно одного следующего случая:

В Женотдел в июле обратилась мать Фатимы-Биби—Набировой с просьбой защитить от бая. Бай уговорил ее отдать свою десятилетнюю дочь к нему в няньки, а сам сделал ее женой.

Вот что пишет следователь о показании самой Фатимы:

«При опросе Фатима Биби ничего не выяснила, так как она ничего не помнит, ввиду того, что после насилия она находилась трое суток без чувств. Ее мужу 48 лет... Я скрывалась после в садах, во дворах и др. местах, где нет людей.

Перед насилием Каримджанов меня избил до бессилия и потянул меня за уши, пока кровь пошла... В настоящее время совсем не хочу жить у него».

«Как неграмотная, палец приложила».

А в свидетельстве врача... «На основании данных осмотра я заключаю, что девочка Набирова имела первое сношение около 5—6 недель тому назад, при чем, так как ее половые органы не развиты, то от сношения получились разрывы, как в промежности, так и влагалища, которые потом зажили рубцами. Ввиду детского состояния половых органов девочки Набировой—она при сношении должна была испытывать ужасные боли и поэтому сношение носило характер истязания». Судебный врач Никифоров, 7-го июля.

Прорвалось.

Не удивительно, что на этом фоне кошмарного бесправия, издевательств—первое же слово о свободе и равноправии нашло горячий, живой отклик. Веками копившиеся обиды, пламенный протест против существующего насилия, прорвались безудержно наружу.

Женщина, которую до Советов никто не считал за человека, женщина, которая не должна была с детства—«говорить громко, выражать испытываемые ею боли, не должна не только распоряжаться своей судьбой, но и интересоваться ею»—революционно шагнула от женского дворика к управлению государством.

Уровнять перед законами и провести это в жизнь—две вещи не одинаковые.

И не первый год работают специальные отделы партии по работе среди женщин, ставящие целью помочь восточнице использовать права, отвоеванные ею революцией.

Есть свои достижения в этой работе к 24 г., достижения особенно разительные сравнительно с дореволюционным прошлым, но крайне недостаточные сравнительно с поставленными партией задачами.

Прокатились не раз за революционные годы волной по всему Туркестану женские с'езды, собравшие сотни делегаток, привлекшие к участию в выборах тысячи, заставившие говорить о себе миллионы.

Женщины к седьмой годовщине революции успели убедиться, что не на словах, а на деле Советская власть проводит равноправие.

Не раз каждая была за эти годы сама свидетельницей, когда советский суд решал дело в пользу женщины, а не так, как религиозные суды казиев и биев.

Убедились, что, действительно, избираемых в Советы и Исполкомы не только не гонят, но сажают за один стол с мужчинами, привлекают к решению государственных дел, слушают «голоса» женщины.

А там, где не успели, по Туркестанским расстояниям, побывать работницы Женотделов—за эти годы успели все-таки дойти слухи.

—«Мы слышали, пишут из Шараф-Хаминской волости, что есть закон, по которому нельзя продовать женщин, как скотину. Просим этот закон прислать».

«Казий (не советский, до сих пор кое-где действующий суд) отказал в нашей просьбе о наследстве, пишут две киргизки,—просим ряз'яснить правильно-ли он поступил»?

И от казия все чаще тянут дела в советский народный суд, который признает за женщиной права, одинаковые с мужчиной. Сотнями прибывают ежемесячно заявления в народные суды, различные советские органы, в Женотделы. Заявления с просьбами дать указания, помочь в разрешении вопросов имущественных отношений, защитить от изверга мужа.

«Мне было 11 лет, пишет Тажигуль Курбасова, когда меня выдали замуж за 35-летнего. Теперь мне 16 лет. С мужем не хочу жить—прошу развода».

«Мать моя по темноте хочет меня выдать третьей женой за сорока-летнего—пишет Гульсук Биби из кишлака Джуму—Базар.—Я не хочу выходить. Укажите закон, чтобы можно было выйти за другого».

Дальше. Заявление от Хайтинайлин Джудабековой—«Жила третьей женой, хотела убежать. Не пустили. Отец бил прикладом. Прошу разобрать через Нарсуд».

«Прошу помочь мне разобрать мое дело, пишет в заявлении Саидат Шайаус из аула Брич-Мулла, за которым я пришла пешком 80 верст.

Я хочу вернуть имущество и пять моих детей, взятых у меня братом моего мужа после того, как мой муж умер, а я вышла замуж второй раз. Меня выгнали из дома и взяли у меня детей».

И так без конца. Это типичное из сотни заявлений узбечек, киргизок, туркменок.

А помимо них, с неменьшим числом просьб, указаний, и донесений обращаются делегатки, которые считают себя обязанными активно принимать участие в проведении советских мероприятий.

«Джерабай Райскулов, пишет одна делегатка—продал свою дочь 8 лет Турсун Гуль за три лошади, одного быка, одну корову, несмотря на ее слезы. Как быт?»

«Ибрагимов, житель Хирет Базара, продал свою малолетнюю дочь за 50 р.»—доносит другая.

«Муж бьет вторую жену, пишет делегатка Асылбекова—как помочь ей?»

Плотину, веками поддерживаемую, прорвало тысячами недовольств, жалоб, протестов, священной ненависти к старому. Еще так недавно, как будто надежно скованная рамками берегов, активность женской массы разлилась безбрежным морем.

И недаром вопросы работы среди женщин начинают занимать все больше места в работах партийных с'ездов.

Недаром, так называемый, «женский вопрос» становится предметом разногласий различных партийных групп (так было перед 8-м с'ездом КПТ).

Недаром не сидится спокойно муллам, которые вносят в органы власти проэкты о прекращении работы среди женщин.

Расшатали.

Об этом красноречивее всего говорит доклад казия города Аулиэ-Ата Мубаршихан Сендханова, представленного в Наркомюст в связи с «женским вопросом» 12 марта 1923 г.

«В то время, пишет казий, когда арабы отличались некультурностью и жестокостью нравов—среди арабов по обычаю существовал такой порядок, что мужчины не имели права давать развод женщинам, а право о разводе с мужьями было предоставлено только женщинам. Но с основанием ислама, законы которого построены на научных взглядах, подобные обычаи и нравы арабов постепенно уничтожались, так как такой обычай, как лишение права мужчин по разводам, с точки зрения справедливости, ислам нашел неправильным и издал закон против таких обычаев, т, е. право развода предоставил мужьям. По законам ислама обеспечивание жены возложено на мужа. Если принять во внимание тяжелые условия таковой, само по себе приходим к заключению, о неприменном предоставлении мужу права давать развод жене. В обратном случае все труды и заботы мужа, сопряженные со всевозможными трудными условиями, пропадают даром, что мы видим на своих глазах, так как жена при нежелании жить с мужем бросает его и выходит замуж за другого, не обращая внимания на все труды, страдания и расходы мужа в связи с обеспечением ее».

«Всякому человеку известно, пишет дальше казий, что женский пол любит хорошо одеваться, украшаться, душиться. Это первая задача женщины. Но всю эту роскошь, находясь в распоряжении мужа бедняка—она не постигает и достигает этого удовольствия только при совместном сожительстве с баем. Поэтому постепенно охлаждается ее отношение к мужу бедняку и для удовлетворения своего чувства и достижения желанной роскоши, отварачивается от своего мужа бедняка и в этот момент припоминает декрет революции, идет в нарсуд, заявляя ему недовольсто на своего мужа, и на основании декрета получает развод». Все как будто-бы очень просто выходит у казия. Но дело не в этих своеобразных обоснованиях с точки зрения Корана, а в самом факте развода, как массового явления. «Известно, пишет казий, что в Джетысуйской области, а также в уездах Аулиэ-Атинском и Чимкентском дело это безжалостно принимает огромные размеры».

И дальше казий берет на себя роль представителя обиженной законом бедноты: «от имени всей бедноты Туркреспублики, прошу ответственных работников советской власти в защиту интересов неимущего класса приложить усилия для закрепления за беднотой права на развод, предоставленного бедноте законами ислама».

Как не казалось бы абсурдно решать вопрос с точки зрения ислама, находились даже и партийные товарищи, которые стихийное разрушение старого думали регулировать по совету казия в плоскости отмены права развода для женщин.

На IV Совещании Завженотделам Туркестана в 23 г. стоял отдельным докладом вопрос «об укреплении киргизской семьи».

На ряду с этим имеется ряд случаев, когда прогрессивная часть мусульманского духовенства, понимая значение происходящего, пытается по новому, применительно к настоящим жизненным требованиям, толковать Коран. Так, в Самаркандской газете «Зеравшан» и в органе ЦККПТ.—«Туркестан» с витиеватами статьями по этому вопросу выступал впервые месяцы 1924 г. ряд ученых мулл.

Оказывается, при существующем учении об отменяющих стихах в Коране, можно доказать, что Магомет никогда не говорил о чадре для женщин и той строгости законов затворничества, которые существуют в настоящее время.

Даже тот-же казий Мубар-Шихан Саид-Ханов пытается доказать, что Коран «в женском вопросе» революционнее советского законодательства.

«Если принять во внимание, пишет он в той же докладной записке, привилегии, предоставленные по законам ислама женщинам и дающие им свободу и равноправие, ясно усматривается неправильное соображение о том, что ислам не дает женщине равноправия».

Тяжелый путь.

Разрушительный процесс старого семейного уклада недаром достается застрельщикам, пионерам этого дела.

Против каждой осмелившейся, вступившей на новый путь мобилизуются все реакционные силы, воздвигаются десятки препятствий.

На новом пути бывают случаи и человеческих жертв. Так было с бойкой Гюляле, в минуту отчаяния, решившейся бросить мужа.

Гюляле жила в Полтарацком ауле, в юрте туркмена Гоштек.

С ней жестоко обращалась свекровь, часто била. Муж не защищал.

Двадцатилетняя Гюляле бежит от мужа в город и подает в суд о разводе, суд не сумел решить дела как нужно, а постановил вернуть Гюляле на 6 месяцев в аул, и попробовать помирить ее с мужем. Но Гюляле прожила в кибитке своей матери и через 6 месяцев к мужу не вернулась. Однажды рано утром Мене-Беке,— мать Гюляле, ушла на базар, а возвратившись нашла только труп дочери, на котором были следы 28 колотых и резанных ран.

Слышали, видели соседи, что убил брат мужа, но дать показания все отказались.

Никто не подлержал мать Гюляле. В суд она тоже боится итти, иначе ей отомстят так же, как и дочери.

Она мирится уже с тем, что после смерти дочери обокрали ее кибитку.

В начале работы среди женщин иногда сами узбечки, киргизски, туркменки недоверчиво относились к женотделу, не могли освоиться с невиданным никогда ранее новым. Так об одном из первых с'ездов т. Шумилова в своих воспоминаях рассказывает:

«С первых же шагов при поездке делегаток на с'езд встретились трудности. Делегатки никак не хотели отойти друг от друга и разместиться по пяти поданным арбам. Все 25 держались за халаты одна другой и поднимали невозможный крик, когда мы приступили к посадке».

Нечего говорить, что эти делегатки совершенно менялись после некоторой работы над ними.

Это первые шаги, когда впервые, увиденный паровоз—«шайтан-арба» (чортова колесница) заставлял шарахаться в сторону, когда каждая вступала в неведомый мир за пределы своего квартала и кишлака.

О тех же делегатках т. Шумилова пишет дальше: «когда на остановках наш вагон осаждался пассажирами, делегатки с гордостью заявляли: «места ёк, биз делегатки, барам с,ездга», (места нет, здесь делагатки едут на с'езд).

На каждой станции делегатки открывали двери вагона и наиболее бойкие кричали—«яшасын» (да здравствует) советская власть».

Не всегда приветливое отношение встречали к себе раньше и работницы женотделов.

Вот что пишет в одном из своих писем т. Богачева, Зав. Женотделом г. Мерва: «Сначала не понимали зачем стараемся, недоверчивыми глазами смотрели, собаками в аулах травили. Под'едешь к аулу верхом на лошади, а из-за кибитки десяток псов выскочит и на лошадей накинется.

А то хуже,—приехали один раз вечером мы верхами в один аул Полторацкого уезда—я, одна слушательница Коммун. Универ. Трудящ. Востока и милиционер с нами.

Зашли к председателю. У него в кибитке еще человека три. Чай пьют. Послушал—зачем мы приехали. Отнекивается.

— «Нельзя наших женщин собрать, мужья не позволят».

А другой молодой подмигнул и говорит по туркменски:

—«Ты их не прогоняй. Мы их лучше ночью используем».

Я то по туркменски хорошо понимаю, но вида не подала.

Так и продежурили мы всю ночь с револьверами в руках.

Видит председатель, что мы не хуже их брата мужчин за себя постоять можем—на другой день нам и женское собрание созвал».

По глухим кишлакам и аулам и до сих пор враждебно относятся к делегаткам-женщинам, организаторам Женотдела.

—«Аксакал (старейшина) говорил мне, пишет делегатка Хасанова из Коризской волости, чтобы я не приходила в их аул, а то он наймет курбаша и убьет меня. За убийство, говорит, не отвечу, так как такого уполномоченного, как ты в нашей волости больше нигде нет».

Это потому, что у Хасановой в пяти кишлаках женщины организованы; в пяти кишлаках приступили к обучению женщин.

Какому же аксакалу, блюстителю старых патриархальных родовых традиций, понравится это?

И Хасанову дйствительне преследуют. Недавно избили ее дочь, выгоняли Хасанову из ее доме. С окровавленным платьем избитой дочери прибежала она в мае в Женотдел. а

Плакала, рассказывая о преследованиях, оживлялась говоря о работе, клялась, что от работы никогда не уйдет, несмотря ни на что и долго бережно раз-

вертывала сверток тряпок, доставая портрет Ленина, полученный на женском с'езде, портрет, с которым она никогда не расстается.

С какими трудностями сопряжена работа, вот маленький штрихик из письма тов. Максимовой—Зав. Женотдела в Джетысуйской области.

— «На курсы в Ташкент ехать боятся. Нашли бойкую киргизку. Соглашалась, ждали три дня, пока кончится с'езд Кошчи, на котором она участвовала. Накануне с'езда она отказалась, говоря, что у ней и ребенок болен, и что в Ташкенте чума, а может быть, и курсы не откроются.

Наметили с тов. Таировым кандидатуру таранчинки. Каждый день утром и вечером заходила к нему, напоминала. Оказалось, что заболела и ехать не может. Заведывающий уйгурской секцией указывал—почему не берем работника-уйгурку. Говорю—дайте на курсы. Обещал прислать тот час же. Через день выяснилось, что поехать не может».

И это там, где вообще огромная тяга к учебе, где в настоящее время (по июльскому 24 г. докладу обл. инспектора Наркомпроса) в одном Нарынском уезде обучается 500 девушек в смешанных школах первой ступени.

Но зато это там, откуда путь до Ташкента измеряется сотнями верст на лошадях, двумя неделями езды.

Работа двигается, новые люди растут.

Несмотря ни на что, проявление активности, самостоятельности со стороны женщин коренного населения уже не редкость.

Под страхом быть убитыми—едут все-таки три туркменки учиться в КУТВ, до 20 человек их готовится к поступлению в этом учебном году в краевые учебные заведения.

Приезжая на каникулы, кутвянки не могут показаться в своем ауле, на долгие годы отрываются от дома и все-таки учатся.

Всего 340 женщин коренного населения учатся в одном Ташкенте в специальных учебных заведениях, как акушерские курсы, коммунистический университет, педагогические институты. Все чаще типы, подобные Махсатой Султановой. Будучи таджичкой, жительницей г. Джизака, Султанова лишь недавно услышала о равноправии, о возможности учиться. 5-го мая, возвратившись с собрания, Махсатай заявила своим родителям, что хочет уйти в школу и поступить в партию. Дома за это заявление ее отколотили и решили поскорее Махсатай выдать замуж, чтобы всякая блажь в голову не приходила.

Но разве теперь прежние времена, когда можно было отдавать, не спрашивая согласия.

Махсатай протестовала. Махсатай заявила, что ни за что не пойдет за нелюбимого.

За это ее еще раз избили и заперли в темную комнату, где она и отсидела 34 дня, но не сдалась.

Недавно Мохсатай прибежала в Женотдел, не захотела вернуться домой, несмотря ни на какие уговоры брата, проклятья матери. Теперь она на курсах волорганизаторов.

А всего на этих курсах 58 слушательниц исключительно коренного населения, готовят себя к работе среди женщин в кишлаках и аулах.

В маленьком аппарате Женотдела 33 узбечки, киргизки, туркменки работают уже и в настоящее время.

Сотни сознательных женщин-делегаток, не входящие в аппарат, работают по будированию широких женских масс, поднимая вековые пласты нови.

Вот, что рассказывают сами организаторы на совещании, прошедшем в марте этого года.

Хашкимбаева (из Туркестанского уезда): «Созываем собрания. Женщины к нам идут очень охотно. Для агитации используем «гости».

Мухамед-Умарова. «Открыли мастерскую для женщин, школу. Нужны учебные пособия».

Хатанбекова (Ходжентского уезда). «Открыли женский клуб в городе, школу. Стараемся начать работу по кишлакам».

Туканбаева (Перовского уезда). «Проводим собрания. Теперь 20 активных киргизок организовано вокруг Женотдела».

Кулиева (туркменка Мервского уезда). «Созываем собрания туркменок 2 раза в месяц. 17 девочек вовлечены в школу. Организован при клубе «Красный уголок» туркменок, 15 женщин в этом месяце вовлечено в союз «Кошчи». 4 туркменки вступили в партию.

Ходжан-Нуркум: «Требуем организации мастерской для киргизок Перовского уезда.

Хусанбаева (Ташкентский уезд). «Открыто 2 школы девочек, в одной учатся уже 16, в другой—52».

Миртазаева—«Работаю в Загсе, являюсь членом местного исполкома. Провожу женские собрания, рассказываю женщинам о новых законах. Идут охотно».

И т. д. и т. д. Все они, пришедшие в Женотдел с женских двориков, от побоев мужа—прежде всего революционерки быта.

Во многих случаях, там, где Женотделы раньше встречали стену сопротивления, в 24 году мы наблюдаем значительную перемену.

«Вообще теперь отношение аула к женотдельщицам стало другое—пишет тов. Богачева из Мерва. Увидели, что упорства у нас для работы хоть отбавляй».

Невиданное дело для прежних лет—теперь вопросы работы среди женщин занимают место даже на заседаниях аульных советов. Так, Атамышский волисполком по вопросу о 8 марте—созвал пленум с представителями всех аульных советов.

«Много говорили, кричали, пишет Богачева об этом собрании. Потом решили выделить аул Бай ударным пунктом и на 8 марта созвать там волостное собрание женщин. Это там, где раньше меня собаками травили».

..,«8 марта постановили открыть школу для девочек и ковровую артель»...

«Для проведения выделили комиссию из представителей аульных советов».

«В Тахтамышском районе на пленуме присутствовало 26 человек».

«Когда узнали, что в Отамыше уже есть комиссия по проведению 8 марта—решили не отставать. Тов. Аманеков из союза «Кошчи» тут же подарил для праздника 2 пуда риса и одного барана».

«Одним словом, 8 марта в 24 г.—прошло, как никогда».

«Отношение партийного комитета самое лучшее. Нам всюду оказывают содействие»—так пишет Завженотделом Чимкента.

«Работа с каждым днем растет, пишет тов. Судакова из одного из уездов Сыр-Дарьинской области.

— Открывать школу за школой для коренного населения. При женском клубе в школе 13 узбечек и 15 туземных евреек, в ауле Бикбуды в школе 51 девушка, в смешанной школе № 4—75 узбекских детей. Открыта швейная мастерская, где работают 14 женщин.

Принялись за интернаты. Теперь все дети одеты, детдома приведены в порядок.

По уезду работают ячейки. В 40 ячейках выделены организаторы по работе среди женщин. 8 марта 18 женщин вступило в партию».

Со стороны парткомов, широких партийных масс, вместо прежнего пассивного сопротивления Женотделы в своей работе имеют в настоящее время определенную поддержку.

Психологический перелом в этой работе был закреплен последним 8 Туркестанским с'ездом партии.

Женотделы имеют не меньшую поддержку в лице наименее зараженной предрассудками старого комсомольской молодежи.

— «12 июля, рассказывает Отмар-Штейн, Завженотделом Сыр-Дарьинской области, ко мне пришел десяток комсомольцев-узбеков, киргизов. Раз'езжаются на лето на каникулы по кишлакам и аулам. Пришли за литературой, указаниями в работе. Думают обязательно на месте вести работу среди женщин. Теперь и раньше—ничего похожего».

Не удивительно в 24 году встретиться с постановлением советов, ячеек «Кошчи» о работе среди женщин.

Вот одна из характерных выписок. Из протокола расширенного пленума угорисполкома совместно с представителями волисполкомов, волсоюзов «Кошчи», волкомом КПТ от 24 мая 1924 г.

Слушали:

О задачах и целях Женотдела.

Постановили:

,,Заслушав доклад о целях и задачах Женотдела, мы, представители воисполкомов, союза «Кошчи», ответ. секретари волкомов КПТ, как авангард бедняцко-аульной части населения, стоя на страже интересов мус. женщин, которые являются еще жертвой семейно-бытовых традиций, признаем необходимым вести работу среди мусженщин и для этой цели выделяем по всем аулам организаров среди мус. женщин''.

Пред. Угоркома Кудабаев''.

Желание во что бы то ни стало наладить работу среди женщин, заставляют парткомы всячески изощряться в вопросах подбора работников. В крайне бедном женскими партийными силами Казалинском уезде, партийному комитету пришлось прибенуть к выделению на работу жен ответственных работников. Так, на одном из июльских заседаний Угорком вынес следующее постановление: ,,предложить члену исполбюро Туманову выделить в качестве волорганизатора свою жену, как грамотную узбечку''.

Постановления.

Работу среди женщин в Туркестане в основном определяют постановления двух с'ездов (12-го Всетуркестанского с'езда Советов, 8-го с'езда КПТ) и последнего Пленума ЦК, прошедшего 30 июня.

В резолюции по докладу Турцика и Совнаркома на январском с'езде советов отмечалось, что ,,по прежднему остается пассивной работа наших органов среди женщин.

В этом отношении—указал с'езд—перед нами встает задача всемерно оживить эту работу и не на словах, а на деле помочь женщине через политпросветительную и школьную работу с одной стороны, экономические и правовые мероприятия с другой—открыть дорогу к раскрепощению'', и дальше:

,,Вовлечь в советскую культурную работу женщин и мерами экономического и правового порядка, всемерно облегчить условия раскрепощения женщин и устранить всякое неравенство, связанное с брачным правовым и семейно-имущественными отношениями''.

В резолюции по советскому строительству с'езд еще раз подчеркнул, что ,,необходимо предпринять особые меры к широкому вовлечению во все области государственной и общественной работы—женщин''.

В постановлениях партийного с'езда прежде всего партия отметила, что разрешение огромнейшей задачи раскрепощения женщины нужно начинать с себя, с своих членов.

,,Для скорейшего изживания бытовых предрассудков, говорится в резолюции, как одного из препятствий на пути культурного и экономического развития Туркестана, партия выдвигает задачу широкой воспитательной работы по борьбе с бытовыми предрассудками в первую очередь в партийной и комсомольской среде. Работу в этой области необходимо вести путем расширения и углубления воспитательной пропагандистской работы. Необходимо включить соответствующие вопросы в програму партшкол, партклубов и уделять им должное внимание в печати—с одной стороны, и безусловное выполнение членами партии декретов Турцика об отмене калыма, повышении брачного возраста, содействии вовлечению женщины в общественную жизнь—с другой.

Июньский пленум ЦК, преломивший в своих постановлениях, решения XIII-го Всесоюзного и VIII-го краевого партийного с'ездов в конкретных условиях Туркестана, наметивший годовые перспективы практической работы, отметил следующие основные моменты в работе среди женщин:

а) изучения наблюдающегося явления распада семьи коренных народностей,

б) борьбу с калымом и выдачей замуж малолетних,

в) борьбу с бытовыми предрассудками, в первую очередь в партийвой и комсомольской среде,

г) вопрос женского образования и подготовки работников.

Задачами работы среди женщин в Туркестане на предстоящий год выдвинуто: 1) вовлечение лучших партийцев женщин в аппарат Женотдела, 2) на 75% национализированный аппарат, 3) сотня женщин каждой народности в партии, 4) две тысячи делегаток из женщин коренного населения по краю, 5) десять тысяч женщин в союзы Кошчи, 6) обязательная грамотность женщин членов советов коммунисток, делегаток, 7) все девушки, охваченные работой женотделов—в союз Молодежи, 8) дети всех женщин, организованных Женотделом—в пионерские отряды, 9) профтехническая школа для женщин в крупных городах, пять школ мастерских с интернатами в областных центрах, 10) десять женских клубов по краю с полутора тысячами членов женщин, 11) ни одного случая нарушения советского законодательства, (о калыме, брачном возрасте и пр.) со стороны комсомольцев и членов партии, 12) добиваться чтобы ни одного совета, исполкома, народного суда, правления кооператива не было без члена—женщины, 13) удвоить цифру женщин, вовлеченных в гренажное производство, шелкомотальные фабрики, хлопко-очистительные заводы, 14) устройство детских консультаций и амбулатории для туземок при каждом женском клубе, 15) акушерские курсы в каждой ударной волости, 16) открытие показательного мусульманского дома матери и ребенка.

Картинки работы женотделов.

Здесь мы приводим описание дня работы трех женотделов совершенно различных по условиям областей: Ташкенский Уженотдел (Сыр-Дарьинская обл.), главное большинство киркизское население). Андижанский—Ферганской области с узбекском населением и Полторацкий—Туркменской области с туркменским населением.

Андижан.

Вот, что пишет т. Воронцова, Зав. Женотделом Андижана:

,,В небольшой комнате Андижанского Женотдела оживленные сборы к от'езду делегаток, избранных на краевую конференцию дехканок.

Делегатки волнуются, задают массу вопросов, торопятся чтобы не опоздать к от'езду.

В далеком неизвестном Ташкенте надо так много рассказать о всех тяготах жизни мусульманки.

И еще тогда на конференции, после выборов, надавали целый ряд наказов: раскажите, как нас мужья бьют, как в школу девочек не пускают, как нам жить тяжело. Скажи, что учиться нам не позволяют.

Обвинительный акт мужьям, братьям, отцам, обвинительный акт мужчине,

А в глазах надежда на лучшее, на помощь, на ученье.

Много надо сказать в Ташкенте, как бы не забыть.

Нет, не забудешь, синяками горит все, что надо сказать. Только боязно говорить свободно, в первый раз говорить громко.

Делегатка Рахмадулаева озабоченная, грустная.

,,Муж узнал, что меня выбрали делегаткой, вчера побил и сказал, если поедешь, убью, а поехать хочется, будь что будет—поеду".

И до третьего звонка, до отхода поезда оглядывалась не догоняет-ли муж.

Прощались с провожавшей женотдельщицей.

Поезд ушел.

Из дверей выбежала женщина в паранджа с ребенком в руках и с плачем бросилась к женотдельщице.

,,Сестра уехала в Ташкент на конференцию, бросила мужа, ребенка, всех родных. Муж грозит убить всех".

К станции подскакал верхом на лошади узбек. Хрипло крикнул: ,,где она?"

И по плачу сестры понял, что уехала.

Злобно выкрикнул ругательство и погнал обратно лошадь.

,,Рахмудулаева уехала".

Ташкент.

Вот, что мне самой пришлось застать в Ташкентском Уженотделе (5-го июля 1924 г.).

Маленькая комнатка.

Деревянные скамьи, стол, табуреты—вся обстановка.

А народу, как на собрании.

Сейчас их 27 узбечек и киргизок.

— ,,Как сельдей в бочке", бросает на ходу инструктор татарка.

— И откуда только народ берется. Сегодня прошло уже не менее 50, не считая этих.

Инструктору не хватает места, да и некогда присесть, когда то с одной, то с другой, приходится бежать через дворик в соседние флигеля в суд, милицию, в КК. Быстро, быстро переводит инструктор жалобы, заявления пришедших, передает на их языке раз'яснения заведывающей. Нужно успеть отпустить всех, суметь всем помочь.

— ,,Гони мужчин, кричит через головы обступивших ее заведывающая. —Чего они. Видишь наши боятся при них чадру открыть. Задохнутся в такой жаре".

Долго, горячо, раз'ясняет инструктор десятку мужчин, облепивших окно, столпившихся у дверей.

— ,,Не идут. Говорят, что у них тоже дело в Женотдел".

— ,,Гони, гони—придут после".

Несмело поднимается чадра с уходом мужчин из комнаты это Фатима—Биби Мамадырова, узбечка из кишлака Янги Базар. С ней девочка дочь тоже закрыта этой сеткой из конского волоса.

— Бай пристращал взять ее дочь—переводит инструктор. Говорил, что сделает дочь нянькой, хорошо кормить будет. А потом изнасиловал. Ей 12 лет, ему 48. Сбежала, десять дней нигде разыскать не могли.

Теперь мать нашла, привела в Женотдел.

Просит защиты от бая.

— Это Таджидхан Ташкан—Тураева из аула Карамырт. Ее дочь от побоев мужа сошла с ума. Муж выгнал ее из дома. Теперь женится на другой. Мать просит помочь получить от мужа хотя бы имущество дочери.

Дальше.

Киргизка, увешанная ожерельями, серебряными монетами, Казыбек—Ходжиева из аула Кинджагуль. Ее продали за большой калым. Комсомольцы узнали, направили дело в женотдел.

«Вот смотри с настойчивостью отчаяния показывает свои обожженные руки другая киргизка. ,,Смотри" и нервно, долго рассказывает, рассказывает о чем-то.

— Ее муж, переводит инструктор, несколько раз в огонь бросал. Она из аула Уя Джетысуйской волости, ее зовут Амангыз Мирзагельдиева. Теперь ее муж выгнал. ,Обращается за помощью.

Быстро, быстро нужно разобрать все эти заявления, чтобы не задерживать десятки ожидающих.

— В суд об'ясняет заведывающая.

— В милицию.

— В КК, чтобы коммунист не избивал жену до полусмертии.

— Вызвать нашу правозаступницу для участия при разборе.

— Послать милиционера за баем.

Летает—от одного к другому флигелю инструктор, направляя просьбы, заявления пришедших по соответствующим инстанциям, толкая решение дела в суде, милиции.

— Двадцать милиционеров сегодня разогнал по вашим заявлениям—жалуется начмилиции.—Нельзя ли как сократить. В жизни никогда столько женщин не обращались.

— Разрываемся,—жалуются сами женотдельщицы. Всего две нас на весь уезд, а к нам идут, идут и идут. Некогда непосредственную работу вести, поговорить хотя бы с делегатками».

Сегодня делегаток приехало три из киргизских районов.

В толпе их сейчас же можно заметить по портфелям (местного туркестанского производства) независимой манере держать себя, по их активности при обсуждении всех вопросов.

— Это те, что у нас побывали на с'езде, знакомит заведывающая. Теперь работают на месте. Лучшие наши агитаторы.

И на вопрос—какую работу на месте проводят—каждая охотно и долго рассказывает.

Вот Айсула Гайбаева из аула Ангисульского, Акжарской волости.

— ,,Постоянно езжу по аулам. Их у меня 17 по волости. Заставляю писаря (грамотный человек в Совете) читать на женских собраниях нашу газету «Янги-Юл». Говорю всем обязательно о том, что есть декрет о калыме. Что нельзя продавать женщину. Что всякого, кто продает—в тюрьму.

Говорю всем о том, что нужно выдавать киргизскую девушку только за того, кого она сама любит.

Рассказываю в каждом ауле о наших женских с'ездах, о Ленине.

За ней другая, третья, рассказывают, примерно также.

Рассказывают с особым чувством достоинства, сознания полезности своего дела.

— Чорт знает, что за времена, шутят некоторые из партийцев в разговоре после. У Женотдела агентура по кишлакам и аулам лучше ГПУ и милиции. От делегаток этих ничего не скроешь. Там, где делегатка—будь уверен, что за калым в суд потащат.

И ни один десяток этих делегаток работает по Ташкентскому уезду. Каждую неделю в базарные дни за сотни верст едут делегатки верхами на лошадях, верблюдах в Женотдел с донесениями о работе, за получением новых указаний.

Едут с портфелями, раздувшимися от заявлений, поданых им на месте, от десятков списков, желающих поступить в школы.

В Женотделе целая папка этих списков желающих учиться. Тут взрослые, разбуженные агитацией делегаток, тут и девушки школьного возраста. Вот сегодня вытащили из своих портфелей делегатки новые списки. Из аула Яису на 175 чел. и Ташбулака на 121 чел.

На списках десятки чернильных пятен от приложенных пальцев вместо подписей, печати местных Исполкомов, заверяющих списки.

— Опять. Что нам делать?—трясет заведывающая папкой списков.

— Нет учителей, нет средств, не можем открыть школ, несмотря ни накакое желание учиться.

Открыли две, на 70 и 80 человек. Что это?—капля в море.

На очереди сотни желающих поступить, а по всему краю тысячи.

Полтораци к.

И вот что, наконец, пишет тов. А. А—ский о работе Туркменского Женотдела в «Туркестанской Правде» от 6 июля в статье «Боевой штаб дехканок».

Областной отдел по работе среди женщин становится действительным боевым штабом передовой туземной женщины.

Здесь, в маленькой, по городскому обстановленной, комнате день за днем, шаг за шагом разбиваются цепи вековых предрассудков, выковываются зачатки нового быта аула.

Облженотдел уже не варится в собственном соку. Теперь все его внимание аулу.

Что ни день, то новые картины. Сюда идут туркменки жаловаться на мужей, турмены—получить совет.

Вот одна из многих. Типичный туркменский костюм из красной маты. На голове такого же цвета «кокошник», грудь увешана серебром. Говорит через переводчика, которым в последнее время постоянно бывает председатель обкома «Кошчи».

— Только, пожалуйста, передайте это в женский суд... мужской суд плохо разберет мое дело...

Она рассказала свою семейную трагедию.

К кибитке своего покойного мужа жила до тех пор, пока не посватал сосед. Вышла за него и стала третьей женой.

— Жили хорошо. Но вот, так как мой новый муж не уплатил за меня калым, (а это значит, что я вышла замуж незаконно),—пришла мать моя вместе со второй женой отца для того, чтобы зарезать меня. Помешал брат моего мужа, которого женщины сильно избили. Скандал ликвидировали, отдав матери два верблюда и один су (пай воды). И посредник заработал на этом деле, получив за примирение дорогой текинский ковер.

Вот она и пришла в Женотдел просить помочь ей вернуть обратно верблюдов, воду и ковер.

Она знает декрет, знает, что женщину теперь не могут продавать.

— Только обязательно женский суд,—напоминает она при уходе.

Октябрь заглянул в туркменскую семью и бросил вызов бытовым предрассудкам. Война об'явлена, в первую очередь калыму, продаже женщин. Но глубоки корни всякого малейшего бытового явления, каждого обычая. И Облженоделу приходится быть авторитетным судьей по части семейных отношений.

Мужчины чистосердечно просят совета:

— Калым не разрешено давать, разреши сделать подарок брату невесты.

— Что же ты подаришь?

— Верблюдов, денег...

— Да ведь это тот же калым...

— Нет, подарок. Брат мне вместе с невестой дает серебряные украшения, ковер и другие ценности, а ему дам верблюдов.

— Можно купить все эти украшения на базаре.

— Не могу. Брат не отдаст невесту. Он много израсходовал на нее.

Вот и тупик.

И чем дальше, тем их больше.

Нужда в беспрерывном изучении вопроса борьбы с бытовыми предрассудками становится все острее и острее; не менее остро чувствуется и потребность в выработке методов работы в этой области. Теперь и этот пробел заполняется.

В туркменский кружок «Нового быта», вошли все ответственные работники Туркмении.

Надо послушать горячие споры кружка. Много смешного, но много и дельного.

Один из работников гневно заявляет:

— Женотдел только женщин защищает, а кто же будет защищать мужчин.

И под дружный смех над «опасениями» товарища, кружек решает:

— С 1-го июля провести двухнедельник популяризации декрета об отмене калыма. Двухнедельник предполагается провести широко, ознакомить с декретом все население и научить аульные советы проводить его в жизнь...

Следующее заседание кружка—о многоженстве.

Так камень за камнем закладывается фундамент нового здания, где почетная роль руководителя-инженера принадлежит Облженотделу.

Опасности велики—нужна помощь.

В условиях Туркестана Женотделы не могут использовать общепартийный, советский аппарат, в той мере, как это практикуют Женотделы российских губерний и областей.

Там, где идет вопрос о непосредственной работе в массах—в Туркестане нужны женщины—врачи, кооператоры, пропагандисты, учительницы.

Женотдел в российских условиях боевой штаб, согласовывающий, направляющий деятельность всех организаций и учреждений, тысяч партийцев в разрешении задач партий—по отношению женской части населения.

Женотдельщицы Туркестана не знают строгого разделения труда.

Женотдельщица Туркестана—это одновременно организатор, литератор, пропагандист,—единственная, зачастую, культурная сила на тысячные женские массы.

Поставленный в работе среди женщин, в условиях исключительной трудности—в то же время Туркестан не имеет никаких исключений из общесоюзных правил в вопросах организационных, сметно-финансовых, штатных.

Маленькая группка работников среди женщин по всему краю начинает задыхаться в обстановке крайнего недостатка сил, средств, крайне урезанных штатов.

Партия в Туркестане стоит перед опасностью невозможности организационного охвата пробужденной, идущей за партией женской массы.

Недооценка настоящего момента в работе чревата последствиями порождения разочарования в женских массах в революционных лозунгах раскрепошения, воз-

можностью использования разбуженной активности в них байско-манапским элементом кишлака и аула.

Именно теперь силы, средства, особое внимание партии к вопросам работы среди женщин в Туркестане—нужнее, чем когда либо.

С. Любимова.

Ташкент, 16 июля.

Цифры.

1) 6.566.450 чел. по Краю: 41,4% узбек, 19,4 киргиз,-казаков. 10,7% кара-киркиз, 4,7% туркмен.

2) В КПТ—708 коммунисток (4%) из них 40 узбечек. 10 киргизок, 9 туркменок.

3) В Советах 287 женщин, до 40 из них в исполнительных органах. В Турцике—5– узбечка, киргизка, европейка, туркменка и таранчинка.

4) В союзе «Кошчи»—1040 женщин, коренного населения по трем областям, Сыр-Дарьинск., Туркмении, Фергане (от остальных нет сведений).

5) В профсоюзах на летнее время до 700 чел.—женщин коренного населения.

6) Девочек в школах первой ступени по трем областям (Фергана, Джетысу, Сыр-Дарьинск.)– 1.100 чел.

7) Женских школ л. б. для взлослых (исключительно коренного населения)—16.

8) В краевых учебных заведениях 340 женщин коренных народностей.

9) 6 женских клубов по Краю. Посещаемость краевого—790 (исключительно узбечками) за июнь 24 г.

10). Делегаток 1325 из них только до 500 из коренного населения.

11) 30 ударных в работе пунктов по кишлакам и аулам.

12) В аппарате по Краю (6 областей с 31 уездом)—103 работника, из них 33 коренного населения, 15 хорошо владеющих местным языком.

13) На курсах волорганизаторов—58 (исключительно коренного населения).

14) Народных заседательниц в Коканде 28 (из них 13 узбечек), в Ташкентск. у.—9, в Джетысу—94, (из остальных сведений нет).

У 333/120

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

С. Любимова.

ТЕОРИЯ и ПРАКТИКА РАБОТЫ ПАРТИИ СРЕДИ ЖЕНЩИН

(пособие для курсов по подготовке работников среди женщин Средней Азии).

XXVI-7407

Всесоюзная Публичная Библиотека РСФСР

г. Ташкент.
ИЗДАНИЕ „ТУРКПЕЧАТИ“
1925 г.

Работникам, которые в труднейших условиях Средней Азии стойко и преданно, под руководством партии, работают по выполнению заветов Ленина о раскрепощении работницы и дехканки, посвящается эта брошюра.

С. Любимова.

Вместо предисловия.

Издание данного пособия является выполнением постановлений II-го краевого совещания Завженотделами (28—29 октября), вызванного настоятельной потребностью в популярно-изложенном и приведенном в систему материале по вопросам работы партии среди женских трудящихся масс.

До сих пор руководителям секций, кружков, курсов по работе среди женщин, самим работникам женотделов приходится пользоваться такими пособиями, как книги Бебеля, Коллонтай, Энгельса и др., которые не всегда удается достать на месте и которые чрезвычайно трудны для понимания рядового малограмотного работника.

В первой части «Работы партии среди женщин» мною использованы, главным образом, речи и статьи Ленина, материал книжки Коллонтай «Труд женщины в эволюции хозяйства» и Ковнатор «8 марта».

Многие спорные определения в положении женщины (как эпоха матриархата) мною оставлены в определении т. Коллонтай, что не мешает основному выводу о связи положения женщины с ее ролью в хозяйстве.

С. Любимова.

I.

Вопрос работы среди женщин имеет свою давность.

К вопросам работы среди женщин в Средней Азии до сих пор относятся лишь формально.

Ни у одного из товарищей партийцев нет внутреннего глубокого убеждения в необходимости проведения этой работы.

Многие товарищи считают, что сам вопрос работы среди женщин возник лишь недавно, в условиях советской действительности.

Помощь со стороны отдельных членов партии в проведении мероприятий по раскрепощению женщины в подавляющем большинстве случаев является лишь подчинением решениям партийных с'ездов и выполнением партийных директив.

Тем более важно каждому партийцу и особенно работникам, выделенным партией в качестве инструкторов, организаторов, заведующих в Женотделы—знать насколько глубоко уходят в историю революционного рабочего движения корни «женского вопроса» и какая зависимость существует между работой по раскрепощению женщины и всеми задачами строительства в молодых советских национальных республиках и областях Средней Азии.

Положение женщины определяется ее ролью в хозяйстве.

История дает блестящие примеры того, как отношение к женщине в семье, обществе и место ее прав в законодательстве всех времен и народов определялось от степени участия, роли женщины в хозяйстве.

Так, были времена, когда не могло быть никакой речи о неравенстве женщины.

Это было много тысячилетий тому назад, когда люди совершенно не имели никаких орудий, кроме своих рук, ног и физической силы для того, чтобы добыть для себя пропитание. Не имея ни топора, ни ножа, не говоря уже о таких вещах, как ружье,—человек не мог себя считать в безопасности, если он один. Люди жили группами, все вместе переходили с одного места на другое в поисках пищи. Собирали дико-растущие плоды, добывали пищу охотой.

В эти времена первобытного коммунизма, когда все, что добывалось, считалось общим достоянием и когда не было никакой частной собственности—женщина пользовалась совершенно одинаковыми правами со всеми; так же принимала участие в охоте, в добывании пищи.

Значительно позднее, когда люди научились пользоваться огнем, научились пользоваться простейшими орудиями для своей защиты и добывания пищи, когда часть из них осела на землю и начали появляться зачатки земледелия, а часть племен стала заниматься скотоводчеством—положение женщины значительно изменилось.

Так, в племенах, которые перешли к земледелию, женщина стала играть особенно большую роль, а в скотоводческих, наоборот, стала занимать все более подчиненное положение.

Об'ясняется это тем, что в самом земледельческом хозяйстве женщина явилась главным руководителем. Она первая узнала, что, если зерна диких растений бросить в землю, они через некоторое время дают всходы. Она сумела проследить время роста и созревания злаков и научила людей, не перекочевывая с места на место, а на одном и том же клочке земли из года в год сеять хлеб.

Считают, что женщине удалось проследить все это потому, что в период родов, кормления грудного ребенка—женщина поневоле должна была отставать от рода, подолгу быть на одном месте, ожидая возвращения остальных и всячески изобретать способ прокормить себя до прихода рода. Вот, что пишет тов. Коллонтай в своей книге «Труд женщины в эволюции хозяйства» об авторитете женщины у земледельцев: «Авторитет женщины в земледельческих племенах усиливался и рос с течением веков. Женщина являлась главной хранительницей обрядов, а значит и главной законодательницей. Соблюдение этих обрядов было необходимо, так как без них трудно было заставить всех членов рода беспрекословно подчиняться велениям старших в роде, велениям, которые вызывались хозяйственными задачами. В определенное время роду необходимо было сеять, в определенное время—собирать жатву, но об'яснить логически, научно, почему так следует поступать, люди того времени не умели. Легче было сказать: так принято, так надо, таков завет предков, кто их не соблюдает, тот преступник. Блюсти же эти обеты было заботой старших в роде—женщин, матерей, убеленных опытом старух».

Поэтому в племенах земледельческих, где знание и главное участие в хозяйстве было за женщиной—отношение к женщине было как к главному руководителю.

Это время, когда главенствовала, управляла, устанавливала порядок женщина и известен в истории под именем матриархата (главенства матери).

В скотоводческих племенах отношение к женщине складывалось совершенно иначе.

Все богатство скотовода заключается в том количестве голов скота, которое он имеет.

В те времена для этого нельзя было, как, положим, сейчас—отсчитать столько то баранов, лошадей—продать их или купить, или с каждым годом от прирученного скота получать приплод. Нужно было дикий скот наловить, а это мог сделать физически сильный мужчина, могла принять участие в этом девушка, но это уже не всегда было под силу женщине-матери. На мужчине же, главным образом, лежала и обязанность военной защиты племени. Поэтому и сложился постепенно порядок, по которому мужчина выполнял главную роль в хозяйстве по обеспечению средств к существованию семьи и по ее охране и защите, а женщина—подсобную работу по приручению скота, ухода за ним и пр. Отсюда, стало складываться и отношение к женщине, как к человеку неравному с мужчиной и менее ценному, чем мужчина.

Средневековье.

800—900 лет тому назад существовали уже другие порядки. С одной стороны, были крепостные крестьяне, которые находились в безграничной зависимости от помещика. Помимо крепостных крестьян, были помещики и городские жители.

Положение женщины во всех этих трех сословиях было различно.

Нас особенно интересует положение городской ремесленницы, которая при одинаковом труде с мужчиной, имела прав больше, чем крестьянка и даже жена богатого помещика.

Были в городах ремесла, в которых, главным образом, преобладал труд женщины—так, ткачество, плетение кружев, чулочный, шерстопрядильный и др. В XIV столетии, в Англии из числа 500 гильдий (цехов, в которые об'единялись ремесленники) в 495 насчитывалось поровну—мужчин и женщин. Труд женщины в городских ремеслах получил такое широкое применение, что появилась надобность регулировать его законодательным путем (так было при Эдуарде III в Англии), и особым вниманием к женскому труду в цеховых уставах и положениях.

Женщина, работая так же, как мужчина, имела право занимать не только роль ученика в ремесле, но и мастерицы—помощницы мастера.

Женщина ремесленница имела право свободно распоряжаться своим заработком, участвовать в общих празднествах и пр.

Иное положение было женщины в богатом доме помещика и третье положение крестьянки.

Жена помещика управляла всем домашним хозяйством, а по тем временам так же, как и у нас сейчас во многих районах Средней Азии, хозяйство было натуральное, т. е. такое, которое ничего со стороны не прикупало, само не продавало, а все для себя производили сами. В хозяйстве помещика нужно было все сделать и заготовить не только на него и его семью, но и на всю «челядь», на всех воинов, которые составляли военную силу помещичьего замка.

Нужно было сотни пудов насолить, наварить, сготовить. Нужно было шить, ткать, прясть на всех.

И хозяйство, которым управляла жена помещика, было велико.

Но богатства того или иного в то время определялись не столько мирным трудом, сколько разбойными набегами помещика с его рыцарями.

Поэтому, как не был полезен труд женщины в помещичьем хозяйстве, он ценился меньше, чем доблестные набеги, захват чужого добра и земель, производимых мужчиной.

Отсюда отношение к женщине богатого круга в средневековье—было двойственным.

С одной стороны, жена помещика имела право наследовать имущество мужа и его звание (титул). Рыцари воспевали женщин (конечно, не крестьянок) в своих песнях, шли на подвиги из за них, установили обычай поклонения женщине.

С другой стороны муж, отец имел неограниченную власть в доме, мог наказать за малейшее ослушание жену и дочь, убить за измену, выдать замуж, не считаясь с согласием дочери и пр. И средние века дают картины кошмарно-бесправного положения женщины «знатного круга».

Несколько иное положение женщины-крестьянки. По отношению к господствующему сословию, наряду с крестьянином крестьянка несет все издевательства.

Существовал даже обычай «первой ночи», по которому помещик брал к себе от жениха девушку в первую ночь после ее свадьбы. О крепостном праве крепко живы еще воспоминания у русских крестьян, которых помещики, случалось, запарывали розгами до смерти, меняли целые семейства «на борзых собак», выдавали девушек замуж, за кого сами хотели.

Но будучи совершенно бесправна, наряду с крестьянином—мужчиной перед помещиком, у себя в крестьянской общине, женщина пользовалась часто большими правами, чем сама жена помещика. Крестьянка работала вместе с мужчиной—в огороде, в поле и крестьянка наряду с мужчиной пользовалась часто одинаковыми правами участия в сходах при обсуждении всех вопросов.

Все приведенные примеры достаточно говорят о том, что на всем протяжении истории *отношение к женщине в семье, обществе и место ее прав в государственных законодательствах определялось ее ролью в хозяйстве.*

Капиталистический строй и «Женский вопрос».

С развитием капиталистического строя, появлением машин, которые дали возможность широкого применения женского и детского труда—число женщин работниц растет с каждым годом. Особенно рост женского труда отмечается во вторую половину прошлого века 50—60 лет тому назад. Так за 13 лет (с 1882 г. по 1895 г.) в одной Германии число женщин, занятых в производстве, возросло более, чем на один миллион (с 5.541.517 до 6.578.350 чел.). В Соединенных Штатах, которые отделены от Европы огромным океаном, за одно десятилетие (с 1880 г. по 1890 г.) число мужчин в производстве увеличилось на 27,64 проц., т. е. на 27 человек на каждую сотню, а число женщин на 47 человек на сотню (47,88 проц.). В своей книге о «Развитии капитализма в России» (Собр.сочин. т. III стр. 445) тов. Ленин приводит такие цифры рабочих и работниц, занятых в российской промышленности: в 1890 году было занято всего 875.764 чел., из них 210.207 женщин, т. е. женщины составляли четвертую часть всех работающих в производстве (24 проц.).

Отсюда, зная, что положение женщины определяется ее ролью в хозяйстве, мы должны были бы придти к такому заключению: «раз капиталистический строй вовлек на фабрики и в заводы миллионы женщин, он должен был бы и уравнять ее в правах».

Этого отнюдь не было. Работая за одним станком с рабочим, работница продолжала оставаться совершенно бесправной. Капиталистический строй всячески это бесправие поддерживал, выдумывал ученые положения о том, что женщина—существо низшей породы, чем мужчина и поддерживал религиозное учение о том же.

Делалось все это для того, чтобы сохранить для фабрик и заводов более дешевые женские рабочие руки, чтобы не уравнивать женщину с мужчиной в выплате ей заработной платы, чтобы возможно безнаказанней, на «законных» основаниях эксплоатировать работницу.

Получилось, что, с одной стороны, женщина в производстве и по эксплоатации равное место заняла, а с другой стороны—она осталась такой же бесправной, забитой, жестоко эксплоатируемой капиталом.

Это противоречие между положением женщины и ее бесправием в семье, в обществе и породило, так называемый, «женский вопрос» и женское движение.

Женское пролетарское движение и буржуазное.

Начало женского движения относят к годам Великой Французской революции—это более чем 130 лет тому назад.

В годы революции, в Париже (столице Франции) были уже значительные кадры трудящихся женщин, самостоятельно зарабатывающих себе и своей семье на жизнь, было много безработных и нищенствующих женщин.

Женская беднота, «женщины народа», как их называли буржуазные историки, выступили тогда с требованием—дать им работу. Вот, что писали они в одной из своих петиций (прошений): «Мы просим работы не для того, чтобы сбросить авторитет мужчин, а чтобы иметь возможность обеспечить себе хотя бы скромное существование».

Женское движение получило особый размах в прошлом столетии и особенно во второй его половине. Женское движение с самого начала пошло по двум руслам, по руслу женского пролетарского движения и по руслу женского буржуазного движения.

Какая же разница между тем и другим.

В основном три момента, которые отделяют пролетарское движение от буржуазного.

Первый. Руководители женского буржуазного движения (называемого еще феминизмом) ставят вопрос о женских правах и улучшении положения женщины, приспособляясь к рамкам существующего капиталистического строя, затушевывая и подменивая классовую борьбу.

Это значит, что они считают незыблемой и неприкосновенной власть царей, королей, помещиков и фабрикантов. Они говорят женщине, что виновником всех ее несчастий и ее бесправия является не царско-помещичий порядок, а мужчина. Они направляют всю борьбу женщин против мужчин, а не против королей и фабрикантов.

Правильно ли это?

— Ни в какой мере.

Разве муж или брат работницы виноват, что ей платят грошевое жалование и что ее эксплоатирует фабрикант.

Конечно, нет.

И женское пролетарское движение ставит вопрос иначе, а именно: улучшить положение женщины и предоставить ей человеческие права сможет только победа пролетариата, класса борющихся против всякой эксплоатации и угнетения трудящихся.

Примером этому является СССР, где при власти рабочих и крестьян женщина-труженица уравнена во всех правах с мужчиной, где весь государственный аппарат работает над улучшением положения матери и ребенка.

Второе. Феминистки (деятельницы женского буржуазного движения) зовут в свои женские организации женщин всех классов, говоря, что у всех женщин одни нужды и интересы. Женское пролетарское движение вопрос ставит иначе. Не может быть общих интересов у жены фабриканта и у работницы.

Интересы трудящихся женщин общи с интересами рабочих и крестьян и направлены против власти помещиков и фабрикантов.

Так же, как интересы дехканок другие, чем интересы торговок, жен баев и ишанов.

Сами феминистки, призывая работниц забыть свои классовые интересы ради «женских интересов»—не забыли своего класса.

Случалось, что в борьбе за избирательные права, феминистки соглашались на предоставление прав женщинам зажиточного круга и не защищали прав работниц. Руководительницы «Союза равноправности женщин» в России состояли сами в кадетской партии капиталистов и помещиков. Руководительницы буржуазного женского движения во всех странах прекрасно понимают интересы своего класса и, действуя на руку буржуазии, стремятся путем организации работниц в женские союзы—отколоть их от общего рабочего движения и тем самым ослабить общие ряды пролетариата.

Третье. Феминистки считают, что вопрос о равноправности женщины должен пониматься, как уравнение во всем с мужчиной вплоть до физической силы и подражания мужскому костюму.

Так, тов. Коллонтай в своей книге «Труды женщины в эволюции хозяйства» приводит случай, когда феминистки с особой гордостью писали: «Еще одна победа женщины в области равноправия. Женщины-грузчики наравне с мужчинами на своих плечах таскают по 12 пудов». Такая постановка вопроса ни в какой мере не может быть принята трудящимися. Пролетариат никогда не забывает, что помимо работы на фабрике, заводе, в мастерской и в поле—у женщины есть природное назначение—матери.

Здоровье матери нужно всячески охранять, а не подрывать его тяжелой физической работой—непосильной женскому организму.

«Женский вопрос» и рабочий класс.

«Женский вопрос», как нечто отдельное от общих задач трудящихся—не существует. Все женское пролетарское движение—есть неот'емлемая часть общего революционного пролетарского движения.

Например, если в понятие о содержании женского вопроса вкладывается борьба за уравнение женщин в правах с мужчинами—значит ли это, что работницы и крестьянки какими то своими женскими путями будут добиваться этих прав, а мужчины—рабочие и крестьяне будут стоять в стороне и никакого участия в этом не принимать?

Отнюдь нет.

Вопрос о предоставлении прав работнице и крестьянке есть одна из задач общей борьбы трудящихся.

Эту задачу разрешают мужчины и женщины вместе так же, как они в общей борьбе добиваются завоевания прав для всех трудящихся.

Разве есть что либо раз'единяющее интересы рабочего и работницы. Плечо к плечу вместе стоящими на фабрике, одинаково эксплоатирует их фабрикант и заводчик, выматывая силы и здоровье.

Что раз'единяет крестьянина и крестьянку?

Ничего.

А что связывает их интересы?

Общая работа в поле и дома, общая зависимость от помещика, общие задачи борьбы против угнетения.

И все вопросы, связанные с интересами работницы и крестьянки, одинаково близки рабочему и крестьянину.

Все эти вопросы стоят в общих требованиях трудящихся в их борьбе с эксплоататорами, все эти вопросы стоят в общих программах практической работы в советских странах, где трудящиеся победили и строят жизнь по новому, по своему.

Поэтому, никакого отдельного от общих задач «женского вопроса» у нас нет.

Все вопросы, касающиеся труженицы—есть общие вопросы всех трудящихся, в разрешении которых все трудящиеся заинтересованы.

И, если иногда в работе среди женщин для удобства выражения употребляют название «женский вопрос»—это ни в какой мере не значит, что мы ему хоть на одну минуту придаем значение отдельного от общих задач, чисто женского вопроса. Раскрепощение женщины, как общую задачу трудящихся—учили понимать и наши вожди—К. Маркс и Ленин.

Так именно этот вопрос всегда и ставился всеми тремя международными об'единениями рабочего класса—I, II и III Интернационалами.

«Женский вопрос» в Интернационале.

Ко времени, когда образовалось 1-е международное об'единение рабочих, руководимое вождем рабочего класса Карлом Марксом,—женский труд имел уже свое место в целом ряде отраслей производства.

Как наименее организованные, чем мужчины, поставленные в положение полнейшей зависимости от капиталиста, сохранявшие постоянную боязнь попасть в ряды безработных, соглашающиеся на грошевый заработок, лишь бы семья не умирала с голода—работница в те времена (более 60 лет назад) не охотно встречалась с мужчиной—рабочим на фабрике.

Работница предложением своего дешевого труда часто способствовала снижению заработка рабочего.

Неорганизованная, несознательная работница часто занимала место бастующих рабочих и срывала забастовки. Так было в одном английском городе (Галифаксе) в 1871 году, когда рабочие забастовали из за снижения заработной платы—а фабриканты, не долго думая, рассчитали забастовщиков и на их место приняли женщин. Так было в 1872 г. в шотландском городе Эдинбурге и ряде других мест. Работница, наконец, идя из семьи на фабрику, забрасывала свое домашнее хозяйство, не могла следить за своими ребятами и семья рабочего разрушалась.

Все это в среде рабочих рождало недоброжелательное отношение к женщине, идущей в производство. И на первом же международном с'езде рабочих, руководимом К. Марксом (1864 году) вопрос о женском труде был поднят.

Особенно горячо он обсуждался на Лондонской конференции в 1865 г. и на Женевском Конгрессе I-го Интернационала в 1866 г. При обсуждении этого вопроса на с'ездах и конференциях I-го Интернационала находились люди, которые ставили вопрос о вовлечении женщин в производство, примерно, следующим образом: «так как уход женщины на фабрику разрушает рабочую семью, так как женщина-работница в силу своей несознательности и неорган-

зованности тормозит и срывает обще-рабочее дело,—необходимо запретить труд женщин на фабриках и заводах, а женщину заставить сидеть дома, заниматься домашним хозяйством и воспитывать ребят».

Товарищи, которые так ставили вопрос, не учитывали того, что женщину на грошевые заработки на фабрику гонит не желание получить удовольствие, а горькая нужда, когда заработка рабочего-мужчины для семьи не хватает, что есть многочисленные кадры женщин, у которых нет «кормильца» в семье и они сами должны прокормить семью и что, наконец, ставить вопрос о возвращении женщины в семью, значит быть людьми совершенно не понимающими законов капиталистического развития и задач раскрепощения женщины.

Вот, что писал тов. Ленин (спустя, примерно, 30 лет после обсуждения этого вопроса в I-ом Интернационале) в своей книге о «Развитии капитализма в России»: «Привлечение к производству женщин и подростков есть явление в основе своей прогрессивное. Бесспорно, что капиталистическая фабрика ставит эти разряды рабочего населения в особенно тяжелое положение, что по отношению к ним особенно необходимо сокращение и регулирование рабочего дня, обеспечение гигиенических условий работы и пр., но стремление совершенно закрепить промышленную работу женщин и подростков или поддержать тот патриархальный строй жизни, который исключал такую работу, было бы реакционным и утопичным».

Почему?

— Потому, говорит дальше тов. Ленин, что «разрушая патриархальную замкнутость этих разрядов населения, которые прежде не выходили из узкого круга домашних, семейных отношений, привлекая их к непосредственному участию в общественном производстве, крупная машинная индустрия толкает вперед их развитие, повышает их самостоятельность, т. е. создает такие условия жизни, которые стоят несравненно выше патриархальной неподвижности».

На примерах работы среди женщин в Средней Азии слова, сказанные тов. Лениным, становятся особенно ярко понятными.

Узбечка, туркменка или киргизка, которые сидят дома и выполняют только домашнюю работу—их уровень развития, сознание и отношение к ним одно.

И узбечки, которые с каждым годом начинают все больше вовлекаться на фабрики, которые получают жалованье за свою работу, которые в деньгах уже не зависят от мужа, которые в работе на фабрике узнали многое, о чем, сидя дома совершенно не слышали—это совершенно другое.

Разве женщина, имеющая свой заработок, позволит над собой издеваться мужу, продать себя за калым и пр.? Конечно, нет.

И среди работников Средней Азии в наше время нет ни одного человека, который бы думал, что женская половина («ичкары») и домашняя работа женщины лучше работы на фабрике и заводе. Каждый теперь понимает, что чем больше женщин коренного населения будет на самостоятельной работе—в производстве, в учреждениях, тем быстрее будет разрешаться вопрос об окончательном раскрепощении женщины.

Так, как пишет Ленин о вовлечении женщин в производство, так учил и Маркс, выступая против предложений о запрещении женского труда на первых с'ездах первого Интернационала.

Нужно ставить вопрос не о запрещении женщинам итти на фабрики и заводы, а о том, чтобы вовлечь работниц в обще-рабочие организации, поднять

их классовое сознание, вовлечь их в общую борьбу, и все вопросы, связанные с положением работницы (по охране женского труда, материнства и проч.) включить в общие задачи рабочего движения.

Так, примерно, ставился вопрос Марксом, так и был принят в постановлениях I-го Интернационала.

2-ой Интернационал, который в начале своей жизни и деятельности явился действительным продолжателем I-го, еще более вплотную подошел к «женскому вопросу».

В 1879 году вышла книга Бебеля—одного из вождей 2-го Интернационала—«Женщина и социализм». Книга эта с особой четкостью определила место «женского вопроса» в обще-рабочем движении. «Книга указала и путь к женскому освобождению—через победу рабочего класса и осуществление коммунизма» (Коллонтай). Книга эта помогла наметить правильный путь женского пролетарского движения.

Восьмидесятые, девяностые годы прошлого столетия, ознаменованные огромным ростом женского труда в производстве, заставили партии 2-го Интернационала и не раз и не два, а почти на каждом с'езде ставить вопрос о женском движении.

Уже в 1875 г., на конгрессе в Готе германская социал-демократическая партия поставила вопрос об избирательных правах для женщин.

«Сначала 90 г. (пишет тов. Ковнатор в книге—«8 марта») вопрос о необходимости организации трудящихся женщин, о завоевании для них избирательного права не сходит с повестки дня партийных конгрессов».

В 1907 и 1910 г. г. в гор. Штутгарте и Копенгагене были уже созваны международные конференции социалисток—женщин, являющихся членами партий 2-го Интернационала. Женское движение получило настолько широкое развитие, что явилась необходимость путем созыва этих международных конференций установить методы руководства им и четко формулировать его содержание и задачи.

На одной из этих конференций (в Копенгагене) было вынесено постановление и о праздновании международного дня работниц—8 марта.

Целью установления было: в кампанию 8 марта сосредоточить особое внимание всего рабочего класса на нуждах работницы и с другой стороны—миллионные армии работниц организовать в общие пролетарские ряды.

С 1911 года 8 марта уже начинает праздноваться в ряде стран, так в Германии, Австрии, Дании, Швейцарии.

В России впервые 8 марта праздновалось лишь в 1913 году, когда обманом полиции, под видом лекции удалось собрать огромный митинг питерских работниц. В следующем 14 году группа товарищей, которая вела подготовку к 8 марта (выпускали журнал «Работница», вели агитацию среди работниц) была арестована царской полицией и посажена по тюрьмам.

Предательство 2-го Интернационала.

Предательская роль 2-го интернационала особенно ярко выявилась в годы империалистической войны.

Партии 2-го интернационала вместо того, чтобы протестовать против грабительской войны, затеянной в интересах буржуазии,—повернули каждая в сторону поддержки своих буржуазных правительств.

Международное об'единение рабочих, вовлеченных в войну своими вождями 2-го интернационала, перешедшими на сторону буржуазии—распалось. Порвались и нити, связывавшие женское пролетарское движение различных стран.

8 марта—день международной солидарности работниц—уже не празднуется.

Были попытки в 1915 году (первый год войны) провести этот день хотя бы в таких нейтральных (не вовлеченных в войну) странах, как Норвегия, но эти попытки вылились в усилие небольших групп, не затронув широких масс работниц.

Наиболее видные деятельницы в женском движении, как Аделаида Попп (член соц.-демокр. партии в Австрии) всю свою работу направляет на то, чтобы разжечь патриотический удар и верность своему отечеству и правительству в массах работниц. Работниц призывали благословлять правительство и поддерживать войну, когда из дома шел муж, брат, часто единственный кормилец семьи, шел жертвовать жизнью ради прибылей капиталистов и помещиков.

И только небольшая кучка людей в этом угаре войны—не боялась на весь мир сказать правду, не предала интересов трудящихся—это были русские большевики и небольшое число примкнувших к ним товарищей в других воюющих странах.

Большевики и вопросы работы среди женщин.

Как и во всех основных вопросах рабочего движения в вопросе о руководстве женским движением большевики явились наследниками и продолжателями лучших традиций революционного рабочего движения и учения К. Маркса.

Сам тов. Ленин не только в советские годы, но и раньше, до революции неоднократно останавливался на вопросе о привлечении к общему движению трудящихся женщин. Он указывал на вопросы, связанные с положением работницы, не только в своей книге «о развитии капитализма в России», но живо интересовался самой работой партии среди женщин.

В 14-м году по его инициативе приступили к изданию журнала «Работница», а начиная с 17 года с'езды работниц и крестьянок не раз видели у себя Ильича, слушали его речи, обращенные к ним.

И тем, что большевики всегда уделяли соответствующее внимание вопросам женского движения--можно прежде всего об'яснить неуспех феминисток (равноправок, как они назывались в России).

Не имели успеха равноправки и у нас в Средней Азии, где они развивали особенно лихорадочную деятельность после февральской революции. По Ташкенту так же, как и в ряде других наших городов, равноправки созывали женские собрания и на них призывали женщин поддерживать буржуазное правительство, которое пришло на смену царскому, поддерживать войну, которую в своих интересах продолжала буржуазия и даже организовывать женские батальоны смерти.

Бывали на этих собраниях и ташкентские работницы и солдатки. Не совсем им нравились эти призывы, но, если бы они не слышали раз'яснения большевиков, то может быть и думали, что так и надо.

А в Ташкенте, наряду с равноправками, выступали большевик Тоболин, большевичка Финкельштейн, и ряд других работников, членов той партии, которая всегда твердо стоит на защите интересов трудящихся.

Большевики раз'ясняли работницам, что их задачи, как и всего рабочего класса, всех трудящихся—совершенно другие, а именно: не итти защищать карманы буржуазии и посылать своих мужей и сыновей на войну, а бороться за рабоче-крестьянскую власть, за установление мира—против войны. Это делали большевики в далеком Ташкенте, это делали они в сотнях городов бывшей царской империи—это делали они в другой форме, в условиях подпольной работы и до революции.

Чему учит Ленин и его партия.

Своей целью Коммунистическая партия (большевики) ставит полное раскрепощение женщины. Партия стремится поставить дело так, чтобы работнице и крестьянке не нужно было по много часов возиться в кухне, у корыта, мыть, шить, ткать. Партия добивается освобождения труда женщины от домашнего хозяйства и замены его работой машин, специально организованных столовых, прачечных и пр.

В вопросе о воспитании детей партия ставит целью также облегчить женщину и передать все дело воспитания государству, обществу, для чего должны быть организованы детдома, ясли, детские площадки и пр.

Труженица, наряду со всеми освобожденная от тягот домашней работы и заботы о детях—должна принимать участие в общественной жизни и труде.

Тов. Ленин так определял тяжесть домашнего «неблагодарного», как говорят сами женщины—труда.

«Это домашнее хозяйство в большинстве случаев является самым непроизводительным, самым диким и самым тяжелым трудом, какой осуществляет женщина. Этот труд чрезвычайно мелкий, не заключающий в себе ничего, что сколько нибудь способствовало бы развитию женщины» (речь на конференции московских работниц).

А в программе Коммунистической партии, там, где намечены конечные цели, за которые партия борется—сказано: «Не ограничиваясь формальным равноправием женщин, партия стремится освободить их от материальных тягот устарелого домашнего хозяйства, путем замены его домами-коммунами, общественными столовыми, центральными прачечными, яслями и т. п.» (Программа, § 4).

Какими же путями ведет партия женщину к освобождению?

Путь один. Этот путь—победа рабочего класса и крестьянства, захват власти трудящимися, подавление сопротивления эксплоататоров, переход земли, заводов, фабрик—всех богатств в руки трудящихся.

Этот путь прошли трудящиеся Союза Советских республик и только в союзе республик уничтожены корни неравенства женщины в законодательстве и приступлено всерьез к проведению практических мероприятий, направленных к раскрепощению женщины.

Теперь «у нас нет такой низости, гнусности и подлости, как бесправие или неполноправие женщины» (Ленин «Правда», № 234 18 октября 1921 года).

«От неравенства женщины с мужчиной по закону у нас в Советской России не осталось и следа». Так говорил и писал Ильич в 21 г., так и есть не только в РСФСР, но и во всех республиках Советского Союза.

Но Ильич не раз указывал и на то, что для раскрепощения женщины одних законов мало. Мало, чтобы это было написано, нужно суметь их провести в жизнь.

И в этом главная задача партии, государственных органов, самой работницы.

У нас лучшее в мире законодательство, у нас лучшие в мире условия труда для женщин, у нас проведена колоссальная работа по облегчению положения хозяйки, матери (столовые, ясли, детсады и проч.), но всего этого еще недостаточно.

Перед трудящимися Союза остаются еще огромными задачами вопросы, связанные с раскрепощением женщины, особенно в наиболее культурно и экономически отсталых республиках и областях Средней Азии.

У нас не буржуазное государство, где работницу в дугу гнет капиталистическая эксплоатация.

У нас власть рабочих и крестьян, которая всем своим законодательством, работой всего своего государственного аппарата приходит на помощь труженице. Но, основное, на что указывал Ильич—это участие в работе по окончательному раскрепощению женщины, самих работниц и крестьянок.

«Мы говорим, что освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих и точно также—освобождение женщин-работниц должно быть делом самих женщин-работниц». (Речь на московской конференции работниц).

Но работницы и крестьянки, получившие с Советской властью все права полноправных граждан—должны принимать участие не только в строительстве детских и др., облегчающих их труд, учреждений.

Работницы и крестьянки, наряду со всеми заинтересованы в укреплении госаппарата, налаживании хозяйства, правильной постановке дела с налогами, больницами, школами и пр.

Насколько их участие во всем этом важно и необходимо—тов. Ленин так писал в своем приветствии Всероссийскому Совещанию завгубженотделами в 1920 г.

«Участие женщины в партийной и советской работе приобретает гигантское значение именно теперь, когда война кончилась и мирная организационная работа выдвинулась, надеюсь, на долгое время на первый план, а в этой работе женщины должны сыграть первую роль и, они, конечно, сыграют ее».

А чтобы помочь работнице и крестьянке это сделать, чтобы поднять ее культурный и политический уровень, помочь ей изжить наследие прошлого—темноту, невежество и забитость—Коммунистическая партия, партия Ленина, выделяет специальный аппарат—женотделы и ведет специальную работу среди женщин.

Вопрос о работе среди женщин занимал место в работах всех партийных с'ездов в советские годы. В основном решения с'ездов сводятся к тому, что во-первых, работа среди женских трудящихся масс должна быть выделена, как одна из основных партийных задач.

2. Работу среди женщин должна вести партия в целом, ни в каком случае не взваливать ее целиком на женотделы и отдельных работников.

3. На работу среди женщин должны выделяться работники из числа лучших и выдержанных партийцев.

4. Особое внимание должно быть обращено на работу по раскрепощению женщин восточных народностей Советского Союза и т. д.

Нет ни одного большого вопроса, связанного с положением работницы и крестьянки, который бы партия не ставила на обсуждение и не имела по нему решений (о заработной плате, безработице, охране материнства, вовлечение в советы и пр. и пр.).

Ленин указал путь в раскрепощении работницы и крестьянки.

Коммунистическая партия свято выполняет его заветы и твердо ведет всех трудящихся Союза в трудном деле строительства социализма и окончательного освобождения женщины.

II.

Значение работы среди женщин в республиках и областях Средней Азии.

Почти на миллион квадратных верст разбросаны народы Средней Азии. Кроме коренных народностей—узбеков, таджиков, туркмен и киргиз, живет много других (дунгане, таранчинцы, русские, татары, кашгарлыки и пр.). Природные условия Средней Азии крайне разнообразны—пустыни, степи, горы, долины рек.

И в зависимости от условий, в которые попал тот или иной народ—развивается тот или иной вид хозяйства.

Там, где есть вода и возможно искусственное орошение—жители занимаются сельским хозяйством, сеют хлопок, разводят сады, виноградники. В степях и по зеленым травяным скатам гор—занимаются скотоводством и т. д.

Часто один и тот же народ, но разбросанный в разные местности, ведет различный образ жизни. Так, туркмены Мервского оазиса—хлопкоробы, а туркмены-иомуды, живущие в трудных условиях степей и пустынь, занимаются лишь скотоводством.

Киргизы Ошского, Джаляль-абадского округов, живущие по долинам рек, ничем не отличаются от земледельческих навыков от соседей узбеков, а киргизы горного Кетмень-тюбинского, например, района больше всего воюют из за пастбищ, видят все свое богатство в числе голов скота.

По своей технике хозяйства Средней Азии также чрезвычайно разнообразны.

Есть хозяйства хлопкоробов, которые пользуются машиной в обработке поля (трактором), а другие копают свое поле ручным кетменем.

Есть рисоочистительные заводы, мельницы, которые перемалывают машинами в день по 7—8 тысяч пудов муки и есть по аулам и кишлакам ручные мельницы, двумя камнями перетирающие в день 5—10 фун. зерна.

Есть огромнейшие ирригационные сооружения, где машины работают над распределением воды, направляют ее по разным арыкам, поднимают воду, накачивают, и есть чигиря, большие колеса с кувшинами на них, которые при каторжном труде дехканина, его ишака и лошади еле справляются с поднятием воды на клочек дехканской земли.

И в этих пестрых условиях у различных народов свои законы и обычаи, определяющие положение женщины.

В основном эти законы можно разбить на два вида—обычное право у туркмен и у киргиз и религиозные установления (шариат) у оседлого населения, главным образом—у узбеков.

Шариат представляет свод законов, выработанных последователями Магомета на основании его учения и примеров личной жизни. Шариат предусматривает каждую мелочь в жизни правоверного мусульманина, вплоть до посещения мужем жены. Так в определении обязанностей жены, шариат указывает, что жена обязана «допускать мужа к половому общению в подобающем месте и в надлежащее время»*).

Достаточно привести ряд выдержек из шариата, чтобы убедиться, как низко религиозный закон ставит женщину, не считая ее совершенно человеком. Муж имеет право во всякое время дать жене развод просто троекратным произнесением установленного слова. «Жена может развестись с мужем против его воли только по определению судьи».

При чем—«после произнесения слов развода трижды, развод дан окончательно, и муж не может жениться на разведенной жене, ранее, чем она выйдет замуж за другого и разведется с ним». «Муж не подвергается взысканию (ни гражданскому, ни уголовному) за несоблюдение супружеской верности».

Жена обязана—«подчиняться приказаниям мужа», «строго соблюдать супружескую верность».

«Непокорную жену муж вправе лишать свободы и после увещаний, подвергать легким телесным наказаниям» и т. д. и т. д.

По шариату совершенно обезличена женщина в семейно-брачных отношениях, по шариату она никакого места не имеет и в общественной жизни.

Шариат определяет даже число посещений женщины к родителям или родственникам (конечно, с разрешения мужа) и строго приказывает женщине—«не показываться без уважительных причин в публичных местах». Женщина имеет лишь полголоса даже в суде и для того, чтобы иметь показание одного свидетеля, нужно двух женщин.

Но самое чудовищное по шариату, что не только морально, но и физически калечит человека—это выдача малолетних.

«Совершеннолетними, говорится в шариате—почитаются юноши, достигшие 12-тилетнего и девушка 9-тилетнего возраста».

Нечего говорить, что ни при каких условиях выдачи замуж с желанием женщины не считаются и ее согласия не спрашивают.

Обычное право (адат) распространен, главным образом, среди степных народов—у туркмен и у киргиз.

Адат так определяет брак: «Брак есть договор, заключаемый с целью приобретения женщины для брачного с нею сожительства».

Отсюда все.

Купля-продажа. Превращение в собственность, как скота или вещи—купленной за калым жены.

Передача ее по наследству от умершего мужа со всеми ее вещами к ближайшему родственнику.

*) Все выписки из шариата и адата взяты из отчета ревизии Туркестанского Края, произведенной граф. Паленом (изд. С.П,Б. 1910 г.)

Передача прав женитьбы брату или родственнику. Сговор родителей о купле и продаже в первые дни рождения ребенка и пр. и пр.

Сила старых законов.

Конечно, ни шариат, ни адат ничего общего с советским законодательством не имеют. До сих пор они держатся в быту в силу крайней культурной отсталости населения, влияния мулл, баев, манапов, которые свято хранят эти старые законы, и в силу, того, что до сих пор женщина в Средней Азии равного с мужчиной места в хозяйстве не заняла и не имеет к себе в сознании населения отношения, как к равноправной с мужчиной единице.

Так, если взять грамотность населения, она дает 3, 5, 7 человек грамотных на сотню коренного населения, редко, редко в отдельных районах, в городах—больше. Среди женщин коренных народностей грамотность не составит и одного процента.

Так, по обследованию кишлаков и аулов, произведенному летом этого года, оказалось: по трем волостям Киргизии—Араванской, Загорной и Быстрореченской на 3.862 женщины—грамотных лишь 40. При чем, если не считать селение Быстрореченское, где, очевидно, грамотными являются русские крестьянки (16 чел.) и Аравань (20 чел.), то на остальные 13 обследованных аулов остается лишь 4 грамотных женщины. Не лучше картина и по Узбекистану. В обследованных 9 волостях имеем:

В Китабской (19 кишлаков) с 1.276 чел. женского населения—1 грамотную. В Вабкентской волости (9 кишлаков) на 1.399 женщин—1 грамотная, в Кара-кульской на 14 кишл. и 1.370 жен.—ни одной грамотной, в Чимбайской на 10 кишл. 846 жен.—ни одной грамотной, в Исфаринской волости (3 кишлака) 1.099 жен.—5 грамотных, в Ниязбекской—3 кишлака—1.347 жен.—28 грамотных и т. д.

Конечно, там, где нет грамотности—широкое место темноте, невежеству и суевериям. Лечение через знахарей и знахарок, вера в амулеты и наговоры, беспомощность перед стихийными явлениями природы, калечение матери и ребенка, совершенная беззащитность перед эпидемиями, венерическими и пр. болезнями. Вот, что по кишлакам и аулам имеет место.

До чего доходит, свидетельствует хотя бы следующий документ, присланный Киргизским Женотделом: *Как киргизки родят.*

«При начавшихся схватках, пишут товарищи из Киргизии—женщину укладывают на кошму и несколько мужчин усиленно раскачивают ее. Затем женщину с силой тянут за руки, подводят к косяку, о который она должна непременно ткнуться лбом. Далее ее представляют собственной участи, считая, что дальнейшее уже в руках аллаха.

2. Берут «сесьму» (грубый шнур четверти аршина) свертывают его как аптечный бинт, так, что он по форме мягкости похож на камень. Одна из киргизок садится на пол, складывает вместе колена, кладет на них свернутую сесьму, а на нее уже сажают роженицу. Сидящая киргизка охватывает роженицу за верхнюю часть живота и надавливает на него, при чем ее, в свою очередь, сзади держат несколько мужчин». Сесьма подкладывается с расчетом, чтобы ребенок не вышел через задний проход.

Дальше прибегают к ряду примет.

1. Перевертывают около больной котел.

2. Приводят животное и заставляют роженицу держаться за его ногу.

3. Толченый уголь кладется в чашку с водой, 3 раза обводится над головой роженицы и выплескивается в сторону юга.

4. На железной лопате смешивают отруби с махоркой, кладут 7 черных камней и сильно подогревают лопату на огне. Подогретую смесь поливают водой так, чтобы шел пар. Над паром усаживают женщину, тепло укутывают ее сверху, дают горячее питье. Распаривают с целью изгнать мочу, думая, что ее скопление задерживает роды» и т. д.

Если роды трудные, еще много, много издевательств над собой переносит женщина. Так, «чтобы тошнило женщину и начались потуги, толкают ей в рот волосы и шерстяной аркан.

2. Берут ступку, обходят с ней вокруг юрты, потом заходят в юрту—стучат с силой по ней пестом—прогоняют дьявола.

3. Тянут женщину за язык и давят ей на живот—ускоряют роды».

Всего и не перечтешь.

А что получается от этого и от старого закона о выдаче замуж малолетних?

Получается то, что женское население Средней Азии вырождается. В среднем насчитывается сейчас в Средней Азии на каждые 1.000 мужчин лишь 889 женщин, тогда, как в России и др. государствах число женщин, наоборот, превышает число мужчин.

Так по трем обследованным волостям (уже приводимым) Киргизии наименьшее число женщин приходится на возраст 12—15 лет. (256 девчат на 388 юношей примерно такого же возраста).

Та же картина по Узбекистану (715 девчат на 948 чел. юношей). Очевидно, что этот возраст, совпадающий с выдачей малолетних замуж, периодом первых родов дает наибольшую смертность.

Народ вымирает от кошмарно-тяжелого положения женщины. Цифры, которые можно привести о заболеваемости населения—говорят о всем ужасе темноты и невежества.

Так, по одному Туркменистану за три месяца январь, февраль, март из 6.942 чел., прошедших через медицинские пункты, больных кожными болезнями (парша, экзема, чесотка) оказалось 2.234 и больных глазами—1.504 чел.

Чем это об'ясняется?

Тем, что употребления мыла не знают, ребят не моют, живут в юртах в самых антигигиенических условиях.

А пример узбекской люльки—бышика: по врачебному обследованию детей школьников в Ташкенте оказалось, что 82 чел. из каждой сотни имеют неправильное развитие—вдавленности и скошенность затылочной кости головы, неправильно сросшиеся черепные швы, сдавленную грудную клетку. Это результаты неподвижного лежания ребенка в люльке, стянутости его всякими бинтами, прикрепляющими его к бишику.

Нечего говорить, что все это чрезвычайно грозные явления.

Если прибавить к этому—сифилис, от которого не умеют уберегаться и которым сплошь и рядом болеют целые районы, и др. венерические заболевания, то нельзя не бить тревоги. Конференция врачей в Ташкенте, проходившая в феврале 1925 г. указывает на опасность, говоря, что при условиях, которые есть сейчас (рабское положение женщины, грязь, темнота, некультурность) народы Средней Азии идут к вырождению.

Роль женщины в хозяйстве.

Даже в районах Туркменистана и Киргизии, где женщины несут огромнейший труд, последний является все таки подсобным в хозяйстве. Киргизка и туркменка—шьют, ткут, вяжут, валяют кошмы, готовят, моют и пр. Труд туркменки и киргизки ни в какие 8-ми часовые рамки не входит.

И все же разве труд женщины в киргизском и туркменском хозяйстве обеспечивает благосостояние семьи?

В скотоводческом хозяйстве богатство дехканина в числе голов скота. Правда, теперь не такие времена, когда нужна физическая сила для ловли диких животных. Но почетная роль хозяина, который теперь мирно пасет стада прирученных человеком животных, следит за приплодом в стаде, изыскивает пути к его увеличению, решает вопрос о пастбищах, охраняет скот от хищного зверя—осталась за мужчиной.

В хозяйстве же хлопкороба, того же туркмена Мервского и пр. оазисов—женщина совершенно не принимает участия в полеводстве, в том, что является основным в бюджете семьи.

Нечего уже говорить об узбечках, которые в массе своей занимаются, главным образом, домашним хозяйством.

Чтобы покончить со спорами о том, на какой работе и в какой мере участвует узбечка, считаем необходимым привести цифры обследования дехканских хозяйств, произведенного Средне-Азиатским Водхозом летом 1925 года.

Если взять все виды труда в сельском хозяйстве, то получится, что из 100 дней на полеводство мужчина тратит в районе Голодной Степи 70½ дней, а женщина лишь 12*).

По Фергане затрата женского труда на полеводство равняется лишь 4 дням (4,2 проц.), по Самарканду около 9 дней (8,9 проц.), по Ташкентской области около 18 дней (17,8 проц.), а по Зеравшанской всего лишь 2 дня (2,1 проц.).

Занятие огородами дают лишь районы Дальверзинский и Голодная Степь, где при обследованиях хозяйств вошли и русские поселки.

В садоводстве, за исключением Бухары и Самарканда, в остальных районах женский труд почти не применяется.

Так, если взять 100 дней, затраченных на садоводство, то на каждые 100 дней мужчина в Голодной Степи тратит 80½(80,6 проц.), а женщина лишь 3 дня (3,2 проц.). По Ферганскому району—мужчина тратит на садоводство 75 дней, а женщина около 9 дней (8,8 проц.), по Ташкентскому все 100 дней выпадают на долю мужчин. Но зато по Самаркандскому району женщины работают почти 33 дня из сотни (32,7 проц.) а по Бухарскому целых 85 дней, а мужчина только 15.

В уходе за виноградниками лишь в Фергане женщины затрачивают 3 дня (3,1 проц.) из сотни дней, а во всех остальных перечисленных районах совершенно не принимают участия.

В луговых работах и лесных насаждениях женщины всех районов никакого участия не принимают; в животноводстве (уходе за домашним скотом) в Голодной Степи женщины затрачивают почти 24 дня из ста (23,7 проц.) по Фергане—9 дней (9,4 проц.), по Дальверзинскому району 30 дней (30,8 проц.), по Самарканду—17 (17,2 проц.), по Бухаре около 20 дней (19,9 проц.) и по Ташкентскому району 19,2 проц.

*) Во всех приводимых здеесь данных не указывается труд подростков.

В шелководстве принимают участие больше всех женщины Ферганы (46,3 проц.), т. е. около 47 дней из сотни.

Большое участие во всех районах принимают женщины в уходе за домашней птицей (в птицеводстве).

Так, по Голодной Степи в этой работе из ста дней женский труд занимает почти 74 дня (73,9 проц.), по Фергане все сто, по Дальверзинскому району 50 проц., по Самаркандскому 88 дней, по Бухарскому 36½.

Но самое большое участие женщин мы имеем в двух видах хозяйства—в переработке с.-х. продуктов (сушка фруктов, соления, печения и пр.) и в домашнем хозяйстве.

Обе эти работы, могущие считаться домашней работой занимают самое большое место в жизни женщины.

Так, из сотни дней на домашнюю работу в Голодной Степи мужчина тратит лишь 12 дней, а женщина 80 (80,6 проц.), по Фергане—мужчина 18 дней, женщина—79 (79,3 проц.) и так по всем остальным районам.

Почти такое же количество рабочих дней тратит женщина и на переработку сельско-хозяйственных продуктов.

Отсюда, какие могут быть выводы?

Вывод один—что из всех видов хозяйства женщина принимает наибольшее участие в домашней работе и в том, что близко к этой работе подходит—птицеводство, уходу за скотом, переработке продуктов.

В основных видах труда, как полеводство, которое обеспечивает благосостояние семьи и без которого нечего было бы женщине перерабатывать, не из чего было бы печь, варить, жарить—труд женщины крайне незначителен.

Мужчина играет главную роль в хозяйстве в оседлых районах у узбеков, отсюда до сих пор и складывается отношение к женщине, как человеку неравноправному, менее ценному, чем мужчина. Мы уже указывали и на то, что при огромнейшем труде киргизок и туркменок, все-таки нельзя считать их труд главным трудом в киргизском и туркменском хозяйстве.

Требование на женские рабочие руки.

Развитие хозяйства идет по пути все большей необходимости вовлечения рабочих женских рук. Даже в узбекских районах, где имеются чудовищные законы затворничества, с каждым годом женщины начинают принимать участие в новых отраслях труда. Так, наряду с тем, что мы указали по данным Водхоза—растет выход женщин за заработком.

Так, в графе таблиц Водхоза—«заработки вне своего хозяйства» находим: по Голодной Степи из 100 дней работы вне своего хозяйства женский труд составляет 25½ дней. По Фергане—16½ (16,6 проц.), по Дальверзинскому району 5 дней, по Самаркандскому более 12 (12,6 проц.) и по Ташкентскому 9 дней, по Бухарскому району, где закрепощение женщины наиболее кошмарно, женщины в других хозяйствах, помимо своего еще не принимают участия. Что показывает это явление, когда, помимо работы дома узбечка отрабатывает у других?

— Это значит, что вместе с мужем батраком она работает в богатых семьях, у баев, работает часто за одну лепешку платы в день.

Помимо этого, последние годы дают рост батрачек. Так, в Фергане в 17 году было уже два процента батрачек, т. е. 2 батрачки на каждые сто батраков.

А разве по мусульманским законам мужчина может иметь в доме женщину—не жену и не родственницу? Отсюда, на женщину идущую наниматься на работу, смотрят, как «на плохого» человека, которая идет против всяких религиозных установлений, или эксплоатируют «в скрытой форме» женский труд, заставляя работать на бая жену чайрикера и батрака.

В последнем случае никакой организации, тем же профсоюзам не под силу придти женщине на помощь. Женщина в таком случае официально батрачкой не числится и на нее законы, охраняющие батрацкий труд, распространить трудно и еще труднее организовать ее в профсоюз.

Та же, примерно, картина получается и с кустарницей. В кустарных промыслах заняты тысячи женских рук. Так, за один 1914 г. одних изделий туркменок было вывезено десятки тысяч: 22.052 ковров, 16.610 паласов, 142.723 куржума и т. д.

По обследованиям кишлачных комиссий (летом 1925 года) по девяти (уже приводимым) волостям Узбекистана оказалось: сельско-хозяйственных рабочих-женщин—41 чел., прях—61, прачек—4, ткачих—38, тюбетейщиц—7 и т. д.

Это те, что исключительно занимаются указанным трудом и только им обеспечивают свое существование. А легко ли при существующих законах проникнуть на женские половины к кустарницам и организовать их?

До сих пор, по крайней мере, кустарницы эксплоатируются скупщиками.

Скупщик за бесценок покупает их изделия, держит их в руках своими грошевыми задатками и сам наживается, продавая изделия кустарниц на рынке.

Выводы, которые можно сделать из всего сказанного.

1. Старые законы и обычаи, сохраняющие до сих пор рабство женщины:
— калечат мать и ребенка,
— ведут к вымиранию женской части населения,
— мешают женщине принять широкое участие в хозяйстве,
— содействуют жесточайшей эксплоатации батрачек и кустарниц,
— отстраняют женщину от участия в советском строительстве, от управления страной.

2. Старые законы культивируют даже в членах партии и комсомола психологию рабовладельца, человека, который продает и покупает женщину, имеет много жен, часто в качестве рабочей силы.

3. Старые законы оставляют некультурными, неграмотными половину населения—женщин, которые не знают простейших правил воспитания здоровых ребят, борьбы с грязью, мер предохранения от заразных болезней.

4. Рабыни матери не могут воспитать свободного гражданина свободных Советских республик.

Отсюда рабское положение женщины, которое остается до сих пор в быту—является огромным тормозом на пути культурного и экономического развития молодых республик Средней Азии, тормозом в огромном деле по созданию подлинно большевистских рядов партии, чуждых пережиткам старого.

Поэтому,

работа партии среди женщин, которая направлена на борьбу с пережитками старого,

которая поднимает культурный уровень женских масс,

ставит задачей охрану здоровья матери и ребенка,
привлекает женщин к производственному труду,
пробуждает у них общественные навыки,
помогает женщине наряду со всеми принять участие в советском строительстве,
в условиях Средней Азии, как нигде, приобретает исключительно важное значение.

III.

Формы и методы работы.

Женотделы.

Для проведения работы среди женских трудящихся масс партия выделяет отделы по работе среди женщин, или отделы работниц и дехканок, или женотделы, как их сокращенно называют.

Женотделы должны быть при каждом парткоме на равных правах с орг. отделами и агитпропами.

На руководство работой женотделов согласно постановления партс'ездов должны выделяться наиболее подготовленные и выдержанные коммунисты.

В подавляющем большинстве зав. отделами являются женщины—члены партии, а у нас в Средней Азии в силу особенностей бытовых условий нечего и говорить о привлечении в аппарат женотделов мужчин.

Партия указывает также на то, что в качестве зав. женотделами должны быть члены руководящей группы, члены парткомов.

Помимо женотдела при областном, окружном, уездном или районном комитете, при каждой парт'ячейке выделяется специальный организатор по работе среди женщин—наиболее авторитетный товарищ, желательно член исполбюро ячейки.

Как зав. женотделом, так и организаторы отчитываются в своей работе первые перед парткомами, вторые перед ячейкой. От парткома и ячейки получают указания и руководство в работе.

Ответственность за постановку работы среди женщин в том или ином районе перед вышестоящим парт. органом всецело несет ячейка и партийный комитет.

Так же, как вопросы агитпропработы, орграспреда, вопросы внутри партийной, советской и др. работы—работа среди женщин должна занимать в планах и практической работе ячейки и парткома одно из основных мест.

Завженотделом должна все вопросы принципиального характера, все важнейшие решения женотдела согласовывать и утверждать в парткоме—так же, как и организатор в своей ячейке.

Области работы:

В самой работе партии среди женщин можно наметить в Средней Азии 5 основных областей:

1) Работа в правовой области.

2) Культурно-просветительная.
3) В области здравоохранения и охраны материнства.
4) Экономическая помощь женщине и вовлечение ее в производство и
5) Вовлечение женщин в общественную жизнь и работу.

Правовая работа.

Прежде всего, каждый работник среди женщин должен знать основные законы, которые определяют права женщины.

Прекрасным пособием в этом отношении может быть книжка Хакима—«Женское право в исламе и по советскому законодательству» и «Сборник материалов к занятию с делегатками».

В основном советские законы о женщине говорят, что:

1) Женщина-труженица (а не жена бая и ишана) имеют право наряду со всеми трудящимися выбирать в советы и сами могут быть избраны.

2) Женщины-труженицы имеют право занимать любую должность в любом учреждении, если они сумеют с порученным им делом справиться.

3) Женщины-труженицы и их дочери имеют право наряду со всеми трудящимися поступить в любое учебное заведение.

4) Женщины имеют одинаковое с мужчинами право голоса в судах, а не так как в шариате—половину голоса.

5) Женщины имеют право равной доли в наследстве, в занятии какими угодно ремеслами, торговлей, право заключения всяких имущественных сделок.

6) Женщины имеют равное с мужчиной право на развод.

7) Женщины имеют равные имущественные права при разводе.

8) Женщины имеют равное с мужчиной право на воду и землю.

9) В случае развода отец должен обеспечивать своего ребенка, остающегося у матери.

10) В случае нетрудоспособности жены, полученной ей в результате замужества—муж обязан обеспечить ее в случае развода.

11) Муж несет по советским законам наказание за избиение жены и причиненные ей увечья.

12) Никто не имеет права, даже родители выдать девушку замуж силой, без ее согласия.

13) Никто не имеет права платить и получать калым, выдавать замуж малолетних (моложе 16 лет) и т. д.

Есть также ряд законов, охраняющих здоровье женщины, занятой в производстве (4 месяца отпуск во время беременности и родов, отпуска на кормление ребенка и т. д.)

Зная основные законы о женщине, работники среди женщин должны следить за проведением их в жизнь и помогать женщине коренных народностей учиться пользоваться правами, предоставленными ей революцией.

Как это нужно делать?

Во всей агитационной работе (на женских с'ездах, собраниях, митингах, в кружках, в печати) нужно раз'яснять, какие права имеет женщина по советским законам.

Нужно при этом всячески избегать ошибки, которую допускают многие работники, сводя всю работу по раз'яснению советских законов к агитации за развод. Такая агитация ни в каком случае не может быть допустима.

Работу же по раз'яснению советского законодательства о женщине нужно проводить не только в женской массе, но и среди мужчин—членов партии, союза кошчи, комсомола, на широких собраниях дехкан.

Кто это должен делать?

Эту работу должна выполнять парт'ячейка, ячейка комсомола, совет, комитет кошчи. Дело женотдела и организатора обратить их внимание на это, указать на имеющиеся в этом направлении директивы партийных, кошчинских и комсомольских с'ездов.

В практическом проведении Советских законов женотделы и их организаторы ни в каком случае не берут на себя задач советских органов (судов, загсов, милиции).

Женотдел и организаторы не имеют права арестовывать дехкан, хотя бы и нарушивших советский закон.

Это должна делать милиция, совет.

Женотдел не имеет права регистрировать свадьбы, судить мужа за избиение жены и пр.

Все дела, которые требуют привлечения к ответственности того или иного дехканина должны решаться советскими органами.

Многие организаторы, оправдывая свои действия в этом направлении, указывают на слабый или байский состав суда, совета.

Жалуются, что советские органы на заявления женщин никакого внимания не обращают, дела женщин валяются по много месяцев и даже лет и решаются в большинстве случаев не в пользу женщины.

Пусть будет даже так.

Все-таки, в работе среди женщин самое главное—это заставить советские органы все вопросы, связанные с женскими нуждами считать своими и заниматься их разбором и решением. До тех пор пока этого не будет—нельзя сказать, что дело раскрепощения женщины поставлено на твердую ногу.

А как это сделать.

Все дела из женотделов нужно направлять в соответствующие органы, справляться о их решениях, посылать своих представителей для участия в разборе дела, иметь постоянных работников в тех же судах (в качестве судей, нарзаседательниц, в коллегии защитников, в качестве следователей).

Работников в суды и загсы нужно подбирать таких, которые мало-мальски умеют разбираться в законах и знают грамоту, в первую очередь из числа женщин коренного населения или европеек, знающих местный язык.

Если найдутся грамотные и стойкие (которых взяткой или подарком соблазнить нельзя) работницы, по существующим постановлениям, им должны обеспечить в суде платную должность.

Товарищей, которых посылают на работу в суды и загсы нужно время от времени созывать (вызывать отдельно или устраивать совещания), требовать от них отчета в работе, инструктировать их, добиваться привлечения их на общие с'езды, курсы и совещания, которые устраиваются Наркомюстом и Наркомвнуделом для всех своих работников. Иначе получается, что 245 нарзаседательниц—узбечек плохо знают свои обязанности и особо активного участия в работах судов не принимают.

Необходимо также добиваться организации специальных курсов для подготовки судебных работников из женщин коренного населения.

Для того, чтобы все вопросы, связанные с защитой женских прав, вошли неот'емлемой частью в общую работу судебных органов, необходимо не реже 2 раз в год организовывать ревизионное обследование.

Специальные комиссии, составленные из представителей Р. К. И., женотдела и обл. суда должны проверять, как выполняют судьи советские законы и директивы по отношению к женской части населения.

И там, где с женщиной не считаются, как с равноправным человеком и гражданином, там, где нарушают советские законы, там, где за взятку страдают интересы дехканки—там нужно сам суд посадить на скамью подсудимых, притянуть его к ответственности.

И, наконец, огромное значение в правовой работе должны иметь комиссии по улучшению быта труженицы, которые нужно организовывать при областных, окружных, а по разрешению своего ЦК или Обкома, и при уездных Исполкомах.

Комиссии эти имеют право: следить за проведением советских законов о женщине, организовывать юридические консультации в помощь дехканке.

Выделять общественных обвинителей для участия в судебных процессах, поднимать вопрос о проведении того или иного процесса и пр.

Там, где эти комиссии будут существовать, женотдел должен озаботиться выделением лучшего работника в качестве своего представителя в комиссию, и все дела, связанные с правовой защитой женщин направлять через комиссию.

Женотдел должен иметь самую тесную связь с комиссией, заслушивать доклады ее, руководить ее работой, чаще инструктировать в работе своего представителя.

Развод.

Больным вопросом во всей работе женотделов является—развод.

За разводом ежедневно приходят десятки женщин.

Приходят в суды и женотделы, приходят к ячейковым, волостным организаторам.

При невнимательном отношении к разводам--последние принимают характер массового явления и бывают часто чудовищны по причинам, их вызвавшим, и по последствиям.

Нередки случаи, когда женщины просят развод из-за пустяка (муж не купил серьги, плохо кормит). Уходя же от мужа бедняка, совсем разоряют его хозяйство. Второй раз жениться, собрать калым или средства на свадебные подарки бедняк не в состоянии.

Бывают случаи, когда родители или родственники заставляют женщину просить развод, а потом спекулируют ею и перепродают другому. Случается, что разведенная с мужем дехканка не знает куда ей итти. Женотдел не всегда в состоянии дать ей работу, фабрик и заводов у нас еще слишком мало—и случается, что такая женщина вынуждена или снова выходить замуж или спускаться до проститутки.

Получается, что закон о разводе, направленный на освобождение женщины, в наших условиях иногда поворачивается против самой женщины и бедняка дехканина.

Можем ли мы в работе не обратить внимание на это.

Ни в каком случае.

Женотделы должны раз'яснять женщинам всю серьезность шага, который она делает, решаясь на развод.

Суды должны внимательно учитывать причины развода, ни в каком случае не допуская перепродажи женщины ее родителями или родственниками.

Культурно-просветительная работа.

В условиях Средней Азии особо важным вопросом во всей системе просвещения должен быть вопрос *о женском образовании*.

В последнем необходимо выделить 3 основных момента.

1) Вовлечение девочек в школы и организацию для них школ.

2) Ликвидацию неграмотности среди взрослых женщин, в первую очередь среди делегаток, членов клубов, членов советов, нарзаседательниц, членов партии.

3) Подготовку культурных сил (учительниц и медицинских работников).

Особые школы девочек следует организовывать не только в районах Узбекистана, где сильны законы затворничества, но и в Киргизии и в Туркменистане, где агитация за совместное обучение пока не дает реальных результатов. Все школы, как для девочек, так и для взрослых, так и специальные курсы (педагогические, акушерские и др.) должны организовываться через Наркомпросы и их отделы на местах и входить в бюджет органов народного образования.

Женотделы и их организаторы должны эти вопросы выдвигать, побуждать к организации школ, следить за тем, чтобы школы проходили по соответствующим сметам, обеспечивать состав учащихся (через агитацию среди женских масс за школу) и проводить в организованных школах политическую работу (по организации ячеек партии, комсомола, пионеров,выборы делегаток).

Работу среди девчат Женотделы проводят совместно с комсомолом отнюдь не откалывая от обще-юношеского и детского движения девчат-комсомолок и пионерок. Женотделы и организаторы должны всемерно использовать школу: созывать матерей при школах девочек и с ними проводить работу; устраивать громкие чтения и привлекать к их проведению учительниц, агитировать через школу книжкой и развешенными в школе плакатами, связать школу и ее учеников с ближайшим женским клубом и пр.

Особое внимание женотделами должно обращаться на подготовку кандидатур в средние и высшие учебные заведения, на выполнение разверсток.

С каждым годом увеличивается возможность посылки в педагогические техникумы, проф.-технические школы, рабфак и др. учебные заведения.

При невнимательном отношении женотделов к заполнению предоставленных мест получается следующее: проверки кандидатур поступающих в учебные заведения нет, подбор случаен, нет выдвижения из числа делегатов, членов клубов, кончивших школу, побывавших на практической работе.

И наоборот, там, где есть внимание этому вопросу, там нет этих недочетов.

К разверсткам нужно готовиться за год (учить грамоте, отбирать наиболее способных).

Женские учебные заведения, которые готовят культурную силу,будущих работников среди женщин (педтехникумы, инпросы, акушерские и др.) должны быть в поле особого внимания женотделов.

Тем женотделам, которые посылали на учебу, нужно использовать все формы связи с учащимися (переписка, участие в клубной газете, использование на практической работе в каникулярное время). Женотделам же, на территории работы которых учебные заведения расположены, необходимо наладить связь с ними, следить за постановкой полит. воспитательной работы и привлечением слушательниц к участию в практической работе среди женщин.

Помимо указанного, женотделы должны интересоваться постановкой дела в мужских, общих школах с тем, чтобы заставить в общий курс преподавания включать вопросы, связанные с задачами раскрепощения женщины (советское законодательство, 8 марта, борьба с бытовыми предрассудками и пр.).

Клуб и дом дехканки.

Клуб и дом дехканки в условиях Средней Азии являются лучшей формой работы среди женщин коренного населения. Женский клуб не является местом только культурной работы, но в нем есть ряд таких учреждений, работа которых является лучшим способом привлечения женщин. Это учреждение здравоохранения, охраны материнства и производственные мастерские и артели. Примером среднего клуба может быть клуб в Ташкенте, по типу которого построены почти все 20 клубов, имеющихся в Узбекистане.

При Ташкентском клубе есть врачебная детская консультация, которую посещают ежедневно 60—80, а то и до сотни узбечек с ребятами в день.

При консультации, кроме врача—есть патронажные сестры, которые ходят по домам и следят за тем, как выполняют узбечки советы врача, как они лечат и воспитывают ребят и раз'ясняют женщинам, как правильнее это делать. Помимо консультации работает артель узбечек по плетению корзин (на 20 человек) и артель по пошивке одеял на 18 узбечек. Имеется швейная мастерская, где специальный инструктор учит кройке и шитью.

В теплое время во дворе клуба работает детская площадка для детей тех узбечек, которые приходят в клуб.

А вокруг всего этого развертывается культурно-просветительная работа (школа грамоты для взрослых, школа девочек, пионерский отряд, литературный и драматический кружки, стенная газета, лекции по гигиене, уходу за ребенком, громкие чтения газет и книжек).

В такой клуб, где не бывает мужчин, каждая может придти свободно и открыть свое лицо.

В таком клубе, женщины получают помощь (медицинскую, советом, через артель), знания, которые расширяют ее кругозор, и учатся общественной работе. Клуб имеет своих членов. Членом может быть всякая трудящаяся женщина. Но раз она записалась—она должна посещать собрания членов клуба, выполнять работу по заданию правления клуба (например, раз'яснить в своем квартале о значении клуба).

Таких членов в Ташкентском клубе около 700, а всего по Узбекистану до 3.000 узбечек состоят членами клубов, и более 10 тысяч ежемесячно проходит через клубы, главным образом через их медицинские учреждения.

Клуб может быть построен и несколько иначе, чем Ташкентский, так, вместо детской консультации может быть акушерский пункт или амбулатория для женщин. Вместо артели по пошивке одеял и швейной мастерской может быть мастерская ткачества, ковровая или какая-либо другая.

Но обязательно, помимо культурных учреждений и культурной работы при клубе, должны быть учреждения по оказанию медицинской помощи женщине и ребенку и обучению женщин производственному труду.

Такой же основной и уже оправдавшей себя формой работы является«Дом дехканки».

Примером последнего может служить «Дом дехканки» в Полторацке. «Дом дехканки» включает в себя все учреждения клуба, и помимо их, имеет общежитие для приезжающих из аулов и кишлаков дехканок. «Дом дехканки» особенно ценен в таких районах, как Туркменистан и Киргизия, где нет «старых городов» и коренное население живет по аулам и лишь наездом (на базар, в суд или к врачу) бывает в городах.

«Дом дехканки» предоставляет приехавшей из аула дехканке помещение, оказывает ей помощь советом, лечит ее и ее ребят, ведет культурную работу среди приехавших, а с постоянно живущими занимается в школах, кружках, мастерских, артелях.

Уголок дехканки.

Везде ли можно организовать такие прекрасные учреждения, как женский клуб или дом дехканки.

Конечно, это не такая простая вещь. Нужны большие средства, нужны большие помещения, а при недостатке последних у нас в Средней Азии, даже имеющиеся клубы не могут как следует развернуть работу, ютятся часто со всеми своими учреждениями в 5—6 комнатах.

Поэтому, там, где при всех усилиях организатора, ячейки, женотдела не удается организовать клуба нужно стремиться создать «Уголок дехканки». Для этого можно иметь небольшое помещение, в котором и проводить культурную работу с женщинами (громкие чтения, об'яснение плакатов, обучение грамоте), и поставить дело правовой помощи женщин (советы, справки по вопросам о советском законодательстве).

Практика работы показывает, что «Уголок дехканки» там хорошо работает и привлекает массы дехканок, где при нем есть какое нибудь учреждение, оказывающее ей практическую помощь (акушерский пункт, консультация, швейная машина и пр.).

Как клубы, дома дехканки, так и уголки должны содержаться на средства соответствующих учреждений. Так медицинские учреждения за счет здравотделов, школы за счет наркомпросов, артели получают помощь от промкооперации и т. д.

Организаторам нужно уметь своевременно включать в сметы соответствующих учреждений и больше всего в денежном отношении и в отношении руководства культурной работой связать клуб—дом дехканки и уголок с отделами народного образования.

Использование культурных сил.

Обязанность каждого организатора женотдела использовать в работе все культурные женские силы (учительниц, акушерок, врачей и просто хорошо грамотных женщин).

Нужно их привлекать к занятию с неграмотными, проведению бесед, громких чтений, руководству экскурсиями и др. работе.

Экскурсии.

Экскурсии нужно широко практиковать в работе. Экскурсии могут быть в музеи, школы, детдома, на фабрики, заводы, из кишлаков и аулов в город и обратно.

Какое впечатление эти посещения производят на женщин,—часто целую жизнь дальше своего квартала не выходивших,—можно судить по одной туркменской экскурсии на стекольный завод.

Когда делегатки с'езда—туркменки (в марте 25 г.), приехавшие из далеких аулов, осмотрели выделку стекла и всяких стеклянных изделий они заявили, что всем виденным крайне удивлены, ибо до сих пор думали, что «бутылки бог выделывает».

Так же расширяет кругозор женщины посещение музеев. Женотделам нужно использовать возможность работы с женщинами, приходящими в музеи и иметь по возможности в музеях своих постоянных работников.

Театр и кино.

Наконец, в культурно-просветительной работе среди женщин необходимо широко использовать театр и кино.

Нужно влиять на подбор пьес в театрах таким образом, чтобы ставились вещи, рисующие отрицательные стороны старого быта, кошмары закрепощения женщины.

Нужно, чтобы театр воспитал в зрителях чувство протеста против обычаев и религиозных законов, низводящих женщину на степень скота.

Нужно, чтобы театр рождал желание борьбы с старым бытом за раскрепощение женщины.

С другой стороны необходимо самих женщин привлекать в театр и кино.

Какими путями привлечь?

Путем организации особых сеансов для женщин, что и делают кино-передвижки по Туркменистану. Путем соответствующего подбора картин и пьес, могущих заинтересовать женщин, путем предоставления им более льготных условий при покупке билетов, покупка билетов клубами для своих членов и т. д.

В области здравоохранения и охраны материнства.

Организация таких учреждений, как акушерский пункт, амбулатория, консультация являются лучшим способом привлечения женщин.

Эти учреждения необходимо организовать через органы здравоохранения, с помощью советов и исполкомов на местах.

Организованные медицинские пункты нужно широко использовать в постановке культурной и политической работы. Там, где десятками каждый день собираются женщины (при амбулатории, консультации) нужно, чтобы были женотдельские плакаты, брошюры, проводилась бы беседа с ожидающими, громкое чтение, велось бы раз'яснение советского законодательства, задач женотделов.

Женотделы и организаторы должны так же следить за тем, чтобы во всех существующих на местах медицинских пунктах были соответствующие инструменты и лекарства для помощи матери и ребенку

А у нас иногда бывают случаи, когда даже при наличии врача приходится прибегать к знахаркам при родах, а врач, не имея инструментов, беспомощен что нибудь сделать в помощь роженице.

Каждый организатор должен так же знать простейшие правила лечения болезней, таких, как чесотка, парша, экзема, болезни глаз, которые в кишлаках и аулах являются настоящим бедствием.

Теперь кооперативные лавки имеют право продавать такие лекарства, как чесоточную мазь, примочки, иод, хинин и др.

Нужно, чтобы работник среди женщин был полезен дехканке советом о том, как пользоваться этими лекарствами, как ухаживать за ребенком, чтобы он был здоров.

Необходимо использовать все возможности в организации лекций, бесед по санитарии и гигиене.

Будет уже большим культурным делом, если в результате работы по санитарному просвещению женщины научатся пользоваться мылом и мыть своих ребят.

Вовлечение в общественную жизнь и работу.

Что это значит?

Это значит, что нужно женщин, сидящих по кибиткам и ичкары, женщин которые дальше своего дома, домашней работы и приказаний мужа ничего не знают—заставить интересоваться жизнью тысяч и миллионов других людей, делом раскрепощения женщины, вопросами советской работы и строительства.

И дальше. Нужно, чтобы они не только научились понимать происходящее и знать свои задачи в общей работе, но и активно участвовать во всем советском строительстве.

Как это можно сделать?

Путем широкого раз'яснения в женских массах задач партии, советов, союза кошчи, комсомола и вовлечения их в эти организации.

Говоря, например, о совете—нужно указывать, чем он отличается от бывших генерал-губернаторов, чиновников, какую работу он проводит, как он решает вопросы, касающиеся нужд трудящихся, налога, земли, школ.

Нужно, чтобы женщина понимала значение совета в жизни и работе трудящихся, в том же близком ей деле раскрепощения женщины.

Так, и по вопросам партии, кошчи, комсомола.

Но мало агитировать за вовлечение, мало раз'яснить значение этих организаций трудящихся, самое большое дело это правильно наладить руководство теми, которые будут вовлечены, суметь их сделать активными участницами.

Работа с вовлеченными должна занимать одно из основных мест в общей работе среди женщин.

Что будет толку, если, например, неграмотные дехканки члены совета потолкаются в совете 3—4 месяца—полгода, а то и год, а понимать как нужно работать не научатся и выйдут из совета такими же темными и неграмотными, как и вошли в него?

Нужно с вовлеченными заниматься обучением их грамоте через вовлечение в школы или прикрепление к грамотному человеку, который должен их обучить. Нужно советом, постоянным руководством и инструктированием помогать им в работе.

Тех, которые научатся работать, нужно выдвигать на более ответственную работу.

Особенно большое внимание в части выдвижения работников должно быть обращено *на женские клубы и делегатские собрания.*

Клуб, который только делает для женщин, а самих женщин работать не учит—такой клуб не выполняет своего назначения.

Как могут учиться работать женщины в клубе?

Они могут проявить себя в работах кружков, в выполнении каких-либо специальных поручений клуба, в качестве членов правлений, участием на общих собраниях и пр.

Руководители клуба должны внимательно следить за тем, чтобы была широчайшая возможность проявления инициативы и самодеятельности членов, отмечать каждую выдвигающуюся и помогать ей в работе. Так же и в работе делегаток, где имеются еще большие возможности практической работы (через прикрепление делегаток к судам, загсам, школам, больницам и др. учреждениям в качестве практиканток).

Делегатские собрания и женский клуб должны быть той школой, где *вырастает актив, откуда выдвигаются потом работницы в качестве членов советов, на различную постоянную работу в советских учреждениях, откуда они идут в комсомол и партию.*

Делегатские собрания.

О том, как ставить работу с делегатками имеется специальное пособие (на русском, узбекском и киргизском яз.) «Сборник материалов к делегатским собраниям».

Здесь нам кажется нужным отметить лишь следующие моменты:

1. Делегатское собрание должно организовываться лишь там, где может быть обеспечено партийное руководство.

Например: в ауле или кишлаке, где нет ячейки или ячейка настолько слаба, что нет в ней грамотных людей или засели в ней баи, примазавшиеся к партии, берущие взятки, можно ли при таких условиях ставить работу делегаток?

Конечно, нет.

И были случаи, когда в такой обстановке делегаток или избивали и всячески им мешали работать или подбирали плохих делегаток, которые держали руку примазавшихся к партии и советам людей, прикрывали их и сами иной раз соблазнялись на взятки и всякие подарки.

2. За постановку делегатского собрания должен быть ответственен не только женотдел, но, как и за всю работу среди женщин, партком или ячейка в целом.

Ячейка или партком должен следить за выделением лучших докладчиков на делегатские собрания и за практической работой делегаток.

3. В практической работе должна ставиться цель ознакомления делегаток с советским строительством и выработки из них работников в различные учреждения (суды, загсы, отделы наробраза, охрану материнства и пр.).

У руководителей делегатских собраний должны быть точные сведения о том, куда могут быть посланы делегатки в качестве практиканток, договорен-

ность со всеми советскими органами, в работе которых делегатки будут принимать участие и точный план работы делегаток.

Совершенно недопустимо, когда руководители учреждений относятся невнимательно к делегаткам, не руководят их работой, а часто прилагают все усилие, чтобы избавиться от делегаток. Чтобы избежать подобных явлений необходимо через партком заранее договориться с заведывающими отделами, дать им указания об их обязанностях по отношению к делегаткам.

4. Нужно ставить обязательной задачей в работе с делегатками ликвидацию их неграмотности.

Комсомол и союз Кошчи.

При вовлечении девушек в КСМ в условиях Средней Азии допускается создание особых ячеек девушек. Всю работу по вовлечению девушек женотделы должны увязывать с комсомолом.

Уже организованными ячейками девушек должен руководить комсомол. Обязанностью женотдела и его организатора остается:

— следить за работой ячеек девушек,

— помогать комсомолу в подборе секретарей ячеек, в подборе организаторов, специально выделенных в ЦК, обкомах и окружкомах союза молодежи для работы по вовлечению девушек.

Комсомольские ячейки девушек, в первую очередь, нужно создавать при женских клубах и школах.

Для проведения кампании за вовлечение в комсомол совместно с комосомолом проводить широкие беспартийные конференции женской молодежи.

Освещать вопрос в печати, ставить его на обще-женских собраниях, с'ездах, среди делегаток.

Женотделы должны также следить за проведением комсомолом постановлений его с'ездов о борьбе с бытовыми предрассудками в среде своих членов.

Если работник среди женщин замечает, что вместо товарищеского отношения, девушка, вступившая в союз, встречает насмешки, если во всей воспитательной работе комсомольских ячеек совершенно не прорабатывается вопрос о советском законодательстве, о женщине, если комсомолец, не только не содействует делу раскрепощения женщины, но помогает выдаче за калым, продаже малолетних, не отпускает сестры и матери в школу—тогда он обязан поставить эти вопросы в комсомольской ячейке или комитете союза.

Работник среди женщин обязан толкать эти вопросы в союзе, настаивать на их проработке, проведении решений в жизнь.

Тоже примерно, и по вопросу «Кошчи».

В настоящее время по Средней Азии имеется уже не одна тысяча женщин членов союза Кошчи.

Поскольку женщина становится членом союза, казалось бы, что все заботы о ней снимаются с женотдела. На практике мы видим, что союз Кошчи не охватывает своей работой женщин. При выполнении разверсток в учебные заведения почти не выдвигает женских кандидатур в деле оказания помощи беднейшим— не оказывает этой помощи женщинам.

Значит ли это, что при плохой постановке работы Кошчи, среди своих членов-женщин, нужно всю работу переложить на женотделы?

Ни в каком случае.

Обязанность женотделов и организаторов в данном случае сводится к тому:

1. Чтобы агитировать в женских массах за вступление в Кошчи, раз'яснить его задачи.

2. Помогать Кошчи подыскивать работников для ведения союзной работы среди женщин.

3. Толкать в союзе дело экономической помощи беднейшим дехканкам— членам союза, организацию для них культурных учреждений (школ) и дело вовлечения женщин в общесоюзную работу.

Членов союза Кошчи—женщин женотдел должен привлекать ко всей работе (выбирать из их числа делегаток, включать их в члены клуба, привлекать на женские с'езды, конференции и собрания). Женщины—члены союза Кошчи по положению могут быть организованы в особые женские секции, которыми должен руководить союз.

За постановку всего дела, касающегося союза (взаимопомощь, работа среди членов) в женских секциях несет всю ответственность союз Кошчи.

Пионеры.

В борьбе с бытовыми пережитками пионеры должны сыграть у нас в Средней Азии особенно большую роль.

Пионеры, принося в ичкары и кибитки твердость в выполнении заветов Ленина, горячность в пионерской работе, новое своим костюмом, здоровье своими физическими упражнениями—ломают старый быт, приобщают самих женщин к новой жизни, рождают у них новые запросы и интересы.

Женотделы на вовлечение девчат в пионерские отряды должны обращать особенно большое внимание. Не должно быть ни одного женского клуба, уголка дехканки, женской школы, при которых не было бы пионерского отряда.

Самая широкая агитация за детское движение должна быть поставлена на делегатских собраниях в аулах, сохраняя по вопросу о руководстве пионерами то же взаимоотношение с Комсомолом, что и по отношению к комсомольским ячейкам девушек.

Женотделы должны:

1. всемерно помогать комсомолу в подготовке пионер-вожатых девчат;
2. в изыскании средств для пионер-отрядов;
3. в подборе работников;
4. пропаганде идеи детдвижения и пр.

Там, где комсомольские ячейки слабы, а имеется возможность организовать детей или создать ячейку девушек, женотдел должен брать инициативу на себя и, организовав через своих делегаток или организаторов отряд или ячейку, передавать руководство ими комсомолу и всячески в дальнейшей работе помогать ему.

С'езды и конференции.

В Средней Азии, где люди разбросаны друг от друга на огромные расстояния в сотни и тысячи верст, где есть еще кочевые районы, женские с'езды и конференции являются так же одной из основных, а в некоторых районах и единственной возможной формой работы среди женщин.

Что дают с'езды?

Они дают возможность общения женщин различных национальностей, различных областей, кишлаков и аулов. Они знакомят делегаток с жизнью и работой других. Они через выступления делегаток дают возможность партии судить о настроении широких женских масс. Через делегаток, их рассказы на местах о слышанном и виденном, партия связывается с женскими массами. Делегатки на с'езде узнают о том, как партией ведется работа среди женщин, какие задачи выдвигаются в настоящий момент и какая их роль в осуществлении этих задач.

Наконец, сам факт выезда женщин из кибитки и ичкары в волостной центр или город, обсуждение ими важнейших государственных вопросов революционирует массы.

«С женщиной считаются, женщину приглашают на с'езды, на обсуждение женщин ставят доклады исполкомов» и пр.—все это является совершенно не похожим на старые рабские законы о женщине.

Но не всегда с'езды и конференции дают указанные результаты, а лишь в том случае, если они тщательно подготовлены.

Как готовиться к с'ездам?

В этой работе может быть три момента:

1) Подготовка технической стороны с'езда (деньги, общежитие, помещение, переводчики, перевозочные средства).

2) Проработка вопросов повестки с'езда, выделение докладчиков, подготовка тезисов и проэктов постановлений к докладам.

3) Демонстрация достижений в работе (экскурсии, выставки и пр.).

Техническая сторона с'ездов имеет значительное влияние на успех с'езда.

Конечно, если организаторы во-время не позаботились договориться о том, на какие средства едут делегатки, в чем им должны оказывать содействие исполкомы, если приехавшие делегатки не имеют общежития, где остановиться, или вместо общежития их размещают по сараям, в клоповниках, если питание делегаток впроголодь и т. д. и т. д.—то несомненно все это не создает хорошего впечатления у женщин, приехавших из дальних аулов.

В самом содержании работ с'ездов:

Нужно, чтобы доклады были заранее проработаны, считаясь с развитием делегаток, их интересами и запросами;

Нужно, чтобы докладчики были совершенно ответственные товарищи, могущие дать все об'яснения практического характера на запросы по своему докладу;

Нужно, чтобы доклады носили характер практических указаний близких к жизни и меньше бы включали голой агитации и пустоговорения.

Нужно, наконец, чтобы основные решения конференции—в виде тезисов, резолюций были розданы на руки делегаткам, с тем, чтобы они могли показать их, прочесть у себя в кишлаке и ауле.

Но, если русский крестьянин «материалист и практик» и словам не верит, как говорил тов. Ленин, то дехканки Средней Азии еще менее верят на-слово. Проведение с'ездов нужно обставлять так, чтобы возможно больше достижений в советском строительстве наглядно можно было показать дехканам.

Для этого нужно заранее подготовить посещение советских учреждений, предприятий, детдомов, выставок и пр.

Если с'езд проходит в городском пункте нужно в его проведение вносить элемент сближения европеек с женщинами коренного населения.

Европейки-работницы должны участвовать в с'езде, ознакомить дехканок с постановкой работы среди женщин в городе, устроить дехканкам товарищеские встречи у себя на предприятиях.

Все проведение с'езда должно быть подчинено двум требованиям:

1) Чтобы делегатки, раз'езжаясь, чувствовали что на с'езде они что-то новое для себя получили и

2) Чтобы с'езд создал твердое стремление у делегаток это новое провести в жизнь у себя в кишлаке и ауле.

Раз'ездом делегаток обязанности женотдела не заканчиваются.

Нужно разработать тщательно материалы с'езда, учесть его опыт и настроение масс в дальнейшей работе.

Принятые постановления продвинуть в жизнь. С раз'ехавшимися делегатками поддерживать связь (через частную переписку, посылку на их имя газеты, брошюр и проч.), следить за их работой, привлечь к руководству их работой местные ячейки и парткомы.

Разумные развлечения.

В целях наибольшего общения женщин и расширения кругозора, необходимо практиковать все виды разумных развлечений.

В Узбекистане, Киргизии и Туркменистане имеется совершенно оправдавший себя опыт проведения семейных вечеров.

Начали с членов партии. Собирали их с женами и сестрами. Устраивали или спектакль или вечер национальной музыки и пения или нечто вроде литературного вечера с выступлениями и декламацией.

Вечер обычно сопровождался незначительным угощением. Нам кажется, что подобные вечера нужно практиковать.

С кого начать?

Конечно, в этом отношении должны показать пример члены партии и комсомол.

Нет сомнений, что эти вечера являются уже огромнейшим культурным шагом, идущим на смену отдельных вечеринок, на мужской и женской половине бачами и анашей.

Экономическая помощь дехканке и вовлечение в производство.

Экономическая самостоятельность женщины есть самый верный путь к ее раскрепощению. Это нужно всегда помнить, подходя к вопросу о вовлечении женщины в производство.

С развитием промышленности у нас в Средней Азии некоторая возможность вовлечения имеется и чем дальше—эта возможность будет все больше развертываться.

Если в 25—26 хозяйственном году уже организованы консервная и табачная фабрики, куда вовлечено более сотни узбечек, на очереди пуск сахарного, целлюлозного, цементного заводов, постройка двух текстильных фабрик (в Туркмении и Узбекистане) и т. д., то можно думать в какую огромную задачу женотделов вырастает вопрос о женском труде в производстве.

Женотделы должны эту работу согласовывать с профсоюзами, но ни в каком случае не выпускать дело привлечения женщин коренного населения на фабрики и заводы из своих рук.

Через партком и администрацию фабрики женотделу нужно добиваться наибольшего вовлечения женщин, вести среди женщин агитацию за поступление на фабрику, проводить работу с уже вовлеченными.

Пример консервной фабрики в Ташкенте, где имеется более 50 узбечек, учит нас следующему:

1) Что нужно вовлекать молодежь, ибо учить работать старух, которые через 2—3 года совсем не будут годны к работе, нет никакого смысла.

2) Нужно учить вовлеченных тому, как относиться к работе, не допуская небрежного отношения, порчи изделий и нежелания учиться делать лучше.

3) Нужно заставить понять, что если женщина не научится делать так, как этого требует производство, рано или поздно ее сократят, потому что ни одна фабрика, ни один завод работать в убыток не могут.

А что получается у нас на консервной фабрике?

Узбечки, раньше ни о какой фабричной работе не имевшие понятия, первое время неизбежно работают хуже специалистов. Так, европейка специалистка, работающая по завертке конфет, ежедневно завертывает 2—$2^1/_2$ пуда, узбечка 18—20 фунтов за весь день.

Конечно, такой производительности, как у узбечки, фабрика долго терпеть не может, потому что это ей идет в убыток. А когда говорят узбечке, что нужно учиться делать быстрее—есть случаи, что многие из них смеются этому и учиться не хотят.

Вот такого отношения к делу нельзя допускать.

Нужно, чтобы узбечка, туркменка, киргизка, которая на фабрику пойдет, училась работать не хуже других. Этого понимания и должны добиваться женотделы в своей работе с вовлеченными.

Во всей работе по вовлечению женотделы должны помнить, что за каждое место нужно «зубами бороться», отвоевывать его не только на вновь строющихся фабриках, но и в работающих уже.

Заводы Турквино, хлопко-очистительные заводы, ж. д., трамвай и пр. и пр. и пр.

Везде, везде, везде нужно искать возможности поставить на работу женщину коренного населения.

Во многих случаях женотделам отвечают, что на такой-то работе женщина не справится.

Во-первых—это не всегда верно.

Во-вторых—это обязывает женотделы к внимательному изучению всех профессий с тем, чтобы точно установить, на какой из них женщина справиться может.

В Средней Азии нужно обратить особое внимание на работу комиссий по изучению женского труда.

По положению комиссии эти должны работать при отделе труда. В действительности они работают слабо или совсем бездействуют и работники среди женщин мало ими интересуются.

Там, где женотделы посмелее и настойчивее удается женщин поставить даже на такие работы, о которых раньше никто и слушать не хотел. Так, в Фергане удалось обучить узбечку даже обращению с трактором и одна (пока, как первый опыт) трактористка не только вспахивает поля дехкан, но своей работой разбивает предрассудок о том, что женщина ни на какую работу не годна.

Так же удалось Ферганскому женотделу отстоять не один десяток узбечек в гренажных заведениях, где их думали сократить, как «негодных для этой работы».

Эти два примера учат тому, что каждый работник среди женщин прежде всего должен знать какие производства в районе его работы имеются и всячески стараться на все виды работы проводить женщин коренного населения.

То же нужно делать и по отношению к работе в государственном аппарате.

В комиссиях по коренизации учреждений должно быть самое активное участие представителя женотдела. Нужно выяснять возможности посылки на работу (в качестве секретаря, делопроизводителя, машинисток и на пр. работы) в учреждения.

Нужно готовить женщин к занятию этих должностей. Всякие курсы (счетоводов, машинисток, стенографисток, телефонисток) должен знать женотдел, толкать на организацию, если их нет, посылать туда женщин и девушек коренного населения.

Нечего говорить, что еще большее участие женотделы должны принимать в организации и укомплектовании школ фабзавуча и профтехнических школ.

Например: для строющихся текстильных фабрик нужна будет женская рабочая сила и главным образом ткачихи. Женотдел должен думать об обучении женщин ткачеству, ставить вопрос перед соответствующими органами об организации соответствующих проф.-тех. мастерских и школ, о посылке женщин на учебу, на фабрики промышленных центров союза.

Право на землю.

Все указанное относится к вопросам о производстве, о вовлечении в госаппарат и подготовке квалифицированной рабочей силы.

Есть и другие возможности дать женщине заработок—сделать ее экономически самостоятельной.

Эта возможность—всемерная помощь кустарницам и разрешение огромнейшего вопроса *об уравнении дехканки в правах на землю.*

Работники среди женщин должны следить за проведением земельной реформы, особенно в части наделения женщин.

В Средней Азии не будет надела по душам (каждому члену семьи), а на целое хозяйство.

Будет получать не мужчина или женщина в отдельности, а целая семья.

Но по закону право на надел имеют женщины, которые самостоятельно ведут хозяйство, вдовы, женщины, по разводу уходящие от семьи.

Задача женотделов заключается в том, чтобы через исполкомы и др. советские и партийные органы добиться выполнения этого закона.

Кустарницы.

По вопросу о кустарницах:

Женотдел и каждый работник среди женщин должен знать все виды кустарных ремесл, какими занимаются женщины его района.

Через потребительскую, промысловую кооперацию и гос. охраны нужно ставить вопрос о помощи кустарницам одиночкам и организацию их в артели.

В Чусте, Ферганской области сотни женщин (в каждом доме) делают тюбетейки и за бесценок сдают их частным скупщикам.

Так и во многих других кишлаках и городах.

Почему эти тюбетейки не может скупать кооперация и выдавать в кредит женщинам кусочки бархата на их производство так, как это эксплоататорски делают частные скупщики?

В Ферганской области, в Самаркандской, отчасти в Ташкентской и ряде других областей и округов Узбекистана, Киргизии, Туркменистана и Таджикистана женщины занимаются выкармливанием шелковичных червей, размоткой коконов.

Почему через с.-х. кооперацию, Туркшелк нельзя поставить вопрос о более льготном получении грены теми дехканками, которые будут пользоваться указаниями Туркшелка при уходе за червями, организуют нечто в роде артели?

Почему нельзя ставить вопроса о подготовке кадра инструкторов, которые бы учили дехканку делу культурного шелководства?

В районе Туркменистана каждая туркменка умеет ткать ковры.

Женотдел, партия в целом, Туркменское правительство ставят одной из очередных задач практической работы помощь ковровщицам, выдачу им задатков под ковры, прием государственно-торговыми органами их изделий, подготовку инструкторов по ковровому делу.

Для каждого работника в Туркменистане открывается широчайшее поле деятельности по организации ковровщиц в артели.

По Киргизстану каждая киргизка возится с шерстью, не только собирает ее, но и отделывает, приготовляет всякие вязаные вещи.

А шерсть у киргизок закупают тоже частные скупщики, снижая всячески цену.

Чем у нас до сих пор хромало дело по кооперированию кустарниц?

Тем, что прежде всего к нему сами работники среди женщин особенно серьезно не подходили, и во вторых, совершенно не заинтересовывали им соответствующие хозяйственные, кооперативные органы.

Нужно, прежде чем ставить вопрос о помощи, точно знать, какие изделия женщины производят, сколько эти изделия стоят самим кустарницам, за сколько их можно продать, какое количество изделий может быть всего поставлено, какая помощь нужна кустарнице (машиной, то какой, деньгами, то на каких условиях, доставкой сырья, то какого, по какой цене и какого качества, сбытом и пр. и пр.).

И только имея совершенно точный расчет, нужно ставить вопрос в промкооперации, исполкоме, потребкооперации.

В части сельско-хозяйственной кооперации своевременно поставить вопрос о сушке фруктов, организации дехканок вокруг вопросов садоводства.

Опыт курсов по сушке фруктов, произведенный в Ташкентской области, дал прекрасные результаты. Прошедшие курсы узбечки научились изготовлению такого высокого качества продукта, который имеет хорошую цену на рынке и может быть экспортным товаром.

Перед органами Наркомзема и с.-х. кооперации нужно ставить вопрос о распространении этого опыта, широкой постановки дела культурного садоводства и организации вокруг этого женщин.

Самих женщин, перерабатывающих продукты садоводства, необходимо связать с потребкооперацией на предмет помощи им в сбыте.

Трудно перечислить все возможности, какие могут быть в деле обеспечения женщины тем или иным заработком. В каждом районе, кишлаке и ауле эти возможности могут быть разными.

Их должен настойчиво выискивать каждый работник среди женщин.

Другие виды помощи.

Все это, так сказать «производственная помощь» дехканке, т. е. такая, в которой даром деньги не дают, а помогают человеку собственным его трудом получить заработок.

Помимо этого, женотделы должны ставить вопрос о помощи дехканкам через кооперацию, Кошчи, через комиссии по улучшению быта труженик.

Чем может потребительская кооперация придти на помощь дехканке?

Она ставит себе задачей наиболее дешево продавать товар, подбирать такой товар, который нужен дехканке, организовывать для детей дехканок врачебные консультации, помогать покупкой в рассрочку швейных машин и пр.

Нужно следить, чтобы свои задачи кооперация выполнила, нужно вести работу по широкому вовлечению самих женщин в члены кооперации.

Кооперация во всем идет навстречу женщинам и представляет дехканке ряд льгот при ее вступлении в члены (рассрочка при паевом взносе и пр.). Каждый работник среди женщин эти постановления о льготах должен знать.

Союз Кошчи включает в свои задачи всю работу комитетов взаимопомощи.

Через него, нужно ставить вопрос о помощи семенем, инвентарем, о помощи во время обработки, запашке беднейшим дехканкам.

Через комиссии по улучшению быта труженик, которые, главным образом, будут работать в городах, нужно ставить вопросы помощи женщинам-одиночкам, безработным, организацию безработных в трудовые коллективы.

Во всей работе каждый должен помнить два основных положения:

1) О том, что дело раскрепощения женщины не является делом только женотделов, а всей партии, всего государства в целом, задачей всех трудящихся.

Поэтому, нужно уметь разложить работу среди женщин по всем соответствующим советским, хозяйственным, кооперативным, партийным, комсомольским, профессиональным, кошчинским учреждениям и организациям.

2) В самом подходе к женщине коренного населения основным правилом нужно сделать оказание женщине практической помощи, проведение практических мероприятий, направленных к раскрепощению женщины и только через это проводить вовлечение ее в общественную жизнь и работу.

Среди мужчин.

Все движение, которое имеется среди женщин в Средней Азии и которое растет с каждым годом, сталкивается с огромной силой бытовых предрассудков, глубоко сидящих до сих пор в населении.

Освобождение женщины встречает препятствие в лице муллы, бая, в непонимании этого дела мужской частью населения. Муж, отец, брат еще не мирится с тем, что женщина по закону с ними равноправна, что жена, сестра, дочь тянутся в школы, идут работать в советы.

За участие в общественной работе случается, что женщин избивают, грозят им наказанием по шариату, проклинают, как отступников от законов религии.

Отсюда, величайшей задачей всех организаций трудящихся является воспитательная работа по борьбе с бытовыми предрассудками.

Эту работу должны вести среди своих членов партия, профсоюзы, кошчи, комсомол.

Через работу клубов, школ, через печать, меры общественно-товарищеского воздействия на своих членов должна вестись этими организациями работа среди мужчин.

Организатор.

По нашему мнению 9 следующих основных качеств должен иметь каждый работник среди женщин:

1. Знать условия, в которых работает.
2. Учесть силы, которыми располагает в работе.
3. Увязать работу со всеми учреждениями и организациями.
4. Понимать общие задачи партии.
5. Знать, чего он в работе добивается.
6. Иметь точный план работы.
7. Быть авторитетным в массах, среди которых ведет работу.
8. Работать над собой.
9. Любить свое дело и быть ему преданным.

Что значит знать условия?

Средняя Азия чрезвычайно разнообразна по условиям работы. В Туркмении одни условия, в Таджикистане другие, в Киргизии третьи, в Узбекистане четвертые. Но помимо этого, в одной и той же республике есть совершенно различные по условиям районы. Так, в Ташаузе совершенно иные условия, чем в Мерве, в Хорезме иные, чем в Самарканде.

Организатор должен знать: какие народы живут в районе его работы, чем они занимаются, какое положение женщины у этих народов, какую работу женщина несет в хозяйстве, насколько сильно влияние духовенства и обычаев, какова грамотность населения и пр.

После этого организатор *должен учесть силы*, с которыми придется работать. Нужно знать организатору, сколько учительниц в его районе, женщин членов партии, комсомола, просто грамотных женщин, которых к работе привлечь можно, какие члены партии и комсомольцы мужчины могут быть использованы в качестве лекторов, докладчиков, преподавателей.

3. Зная условия и учтя силы организатор *должен связаться с учреждениями и организациями своего района.*

Нечего уже говорить о том, что самая тесная связь должна быть со своим парткомом или ячейкой. Организатор ни одного важнейшего шага в своей работе не должен делать, не обсудив его в ячейке или парткоме.

Помимо этого, организатор должен входить представителем или выделить вместо себя одну из коммунисток или комсомолок для связи с комитетом Кошчи, комсомола, в кооперацию, совет, союз рабземлеса, другие проф. союзы, школьный совет и др. организации. Будучи сам в них или через представителя организатор должен проводить через все эти учреждения и организации вопросы, связанные с работой среди женщин.

4. Но организатор не может проводить своей работы не увязывая ее с общепартийными задачами, сам будучи не в курсе партийных задач.

Понимать задачи партии, в каждый данный момент нужно каждому работнику среди женщин.

Может ли организатор остаться в стороне от вопросов земельной реформы, работы партии по оздоровлению советского аппарата и вышибанию из него баев и манапов, от кампании по перевыборам бюро ячеек, обсуждению вопросов партийных с'ездов, занятий в политкружке и пр. и пр.

Конечно, нет.

Организатор должен знать, какие в каждый отдельный момент важнейшие задачи ставит партия перед ячейками, какая важнейшая работа проводится партией в данном районе и уже с обще-партийной работой согласовывать и свою работу среди женщин.

Например: если в районе, положим, Сурхан-дарьи партия поставила задачей—во что бы то ни стало добить басмаческую шайку, вышибить у главарей басмачества все козыри из рук, какими они агитируют среди населения против советской власти—правильно ли будет, если организатор, не учитывая всего этого, поведет кампанию против старых обычаев, будет добиваться ареста дехкан за калым и насильственное замужество, по кибиткам поведет агитацию за снятие паранджи и пр.?

Такой организатор будет играть на руку басмачам, которые скажут: «смотрите, как издевается советская власть над обычаями предков и религиозными законами» и будут настраивать население против советской власти.

И дальше. Положим партия проводит кампанию перевыборов в советы и говорит, что нужно из советов вышибать баев, а привлечь в них бедноту и середняка дехканина. Правильно ли будет если организатор или совсем не знает об этой кампании или представляет дело так, что ни баев, ни середняков не должно быть в совете и будет агитировать только за бедноту.

Такой организатор не будет понимать задач партии.

А для того, чтобы всегда быть в курсе партийных задач нужно читать газету, директивы, которые партия присылает в ячейки, бывать на заседаниях ячейки, если под силу, читать книжки, заниматься в политкружке.

Организатор не может работать от случая к случаю, выполнять работу, какая подвернется. *Организатор должен знать, чего он добивается.*

Конечная цель в нашей партийной работе среди женщин—полное раскрепощение женщины.

Можно ли так обще поставить задачу в каком-нибудь кишлаке и ауле?

Нет.

Эта задача должна быть выражена совершенно конкретно, т. е. учтя условия, силы, увязав работу с общими задачами партии, связавшись с учреждениями, организатор должен точно знать, что он должен делать в данных условиях. Например, он может поставить целью в данном районе сделать следующее:

— организовать женскую школу,
— выбрать 50—60 делегаток,
— организовать уголок дехканки,

— открыть акушерский пункт,

— 10—20 девочек подготовить к поступлению в городские и специальные учебные заведения,

— вовлечь 5—6 женщин в местный совет,

— организовать пионерский отряд девчат,

— ликвидировать политическую и азбучную неграмотность членов партии женщин.

Поставив такие цели, положим, на 1 год работы, организатор будет знать, какие вопросы и в каких учреждениях продвигать, что вносить в годовые сметы учреждений и пр.

Самая большая ошибка организатора может быть тогда, когда он, не имея определенных целей, занимается изо дня в день текущей работой.

Сколько бы женщин по разным вопросам не приходили к организатору, какими бы вопросами текущих кампаний он не занимался, он никогда не должен забывать поставленных целей и почаще проверять себя, что сделано в их осуществление.

Будет не лишне дать организатору примерно такой лозунг, переделав лозунг времени гражданской войны: «ложась спать, думай о том, что ты сделал в выполнении поставленных тобою задач в работе. Вставая утром, намечай, что нужно сделать для их выполнения».

6. В выполнении же намеченных задач организатор должен иметь точный *план работы*. План работы может быть на год, на месяц, на неделю, на день. Организатор должен знать, как *он будет выполнять* намеченную работу.

Например, по вопросу о выборах делегаток, ему что нужно сделать?

— Провести предварительную кампанию в женских массах через собрания и беседы для раз'яснения значения выборов делегаток,

— наметить кандидатуры наиболее развитых и толковых,

— сговориться с парткомом и комсомолом о раз'яснительной кампании среди мужчин с тем, чтобы последние, поняв значение делегаток, не тормозили их выбор и работу,

— выделить докладчиков на женские собрания и для проведения работы уже с выделенными делегатками,

— еще раз с парткомом обсудить программу делегатских собраний,

— договориться с советскими отделами о прикреплении к ним делегаток для практической работы и проч.

Все это организатор должен предусмотреть и в своем плане разметить. на каких заседаниях, в какие дни (а если дневной план, то в какие часы) будет он договариваться с исполкомом, с комсомолом, с агитпропом. Наметить в плане дни и места, где назначены женские собрания и т. д.

И так, по каждому вопросу. О школе, о пионерском отряде, об уголке. О всем, что организатор наметил себе сделать, он должен хорошенько подумать, как это нужно сделать, все предусмотреть и занести всю работу по месяцам и дням в свой план.

7. Но, если даже все это организатор сделать сумеет, ему нужно еще три неот'емлемых условия для успеха в работе:

— *завоевать авторитет в массах*,

— *работать над собой*,

— *и любить свое дело*.

Что нужно для первого?

Организатор должен относиться внимательно к каждой женщине, которая к нему приходит, не кричать (как иногда у нас делают), а толково дать совет, указать, как нужно сделать и куда пойти. Организатор должен быть человеком, которого ни какими подарками и взятками подкупить нельзя. Организатор не должен грубо нарушать обычаев и насмехаться над ними. Организатор должен вести себя безупречно, так, чтобы женщины не говорили, что из-за плохого поведения организатора, они не идут в женотдел.

Организатор должен быть своим человеком в кибитках и на женских двориках, знать все нужды и интересы женщин.

И только, когда население увидит, что организатор делает полезное дело, помогает женщинам, относится внимательно и хорошо, знает и болеет нуждами своего района—к такому организатору, конечно, будет и хорошее отношение.

8. *Организатор должен работать над собой*. Если он не грамотен, он должен ставить для себя задачей научиться грамоте. Раз организатор работает по поднятию культурного уровня женских масс—сам он должен знать, какие народы еще живут на земле, как живут и работают женщины различных народов. какие достижения есть в культурном развитии передовых стран, как складываются отношения людей различных классов, какие законы, открытые Марксом и Лениным, руководят этими отношениями и пр. и пр. и пр. Сотни вопросов, на которые должен иметь ответ организатор для себя, для женщин, которые эти вопросы ему задают. А чтобы ответ иметь, нужно каждому во что бы то ни стало учиться.

Нужно ли для этого обязательно поступать в школу или ехать в город?

Конечно, учение в школе, где нет другой работы кроме ученья и где есть хорошие руководители и преподаватели, не может сравниться с самостоятельной работой.

Но рассчитывать только на ученье нельзя, и не всякий организатор в учебное заведение попадет.

Нужно работать над собой путем самообразования.

Посоветоваться с знающим человеком, если такого нет на месте—поговорить со знающими людьми при поездке в город.

Составить себе план занятий, наметить какие книжки прочесть, обязательно читать газеты (наметить себе тоже определенные газеты), записывать непонятные места, какие встречаются в газетах и книжках, вопросы, которые возникают во время чтения и просить по ним об'яснения у знающего человека у себя или в городе, обсуждать эти вопросы в товарищеских кружках. Организатор, который считает, что он все знает и не хочет работать над собой—плохой работник.

9. Работа среди женщин в Средней Азии чрезвычайно трудна. Много неприятностей, самых больших препятствий, преследований со стороны мулл и баев для каждого работника. Не у всякого хватает силы до конца выполнить свое дело, настойчивости в проведении поставленных задач. И, конечно, всякий, кто к делу относится так, как чиновники,—«как нибудь, лишь бы жалование получить», большой пользы не принесет. *Дело нужно любить, быть ему преданным, неуклонно выполнять все, что скажет партия, больше всего думать об интересах дела* всю свою личную жизнь строить так, чтобы она не мешала делу и не дискредитировала работы партии.

При железной твердой воле, которая имеется у партии в проведении заветов Ленина о работнице и дехканке, при безграничной преданности и любви к делу, которое должно быть у товарищей, выделенных партией на работу среди женщин—ни на одну минуту не может быть сомнений в успехе дела по раскрепощению женщины коренных народностей Средней Азии.

С. ЛЮБИМОВА.

Ташкент.
Женотдел Ср.-Аз. бюро ЦКРКП.

Ташоблит № 78/385. Заказ № 873. Тираж 3.000 экз.